

57-4
1372

Нелли Шульман
Вельяминовы
Время Бури

Нелли Шульман

**Вельяминовы. Время бури.
Часть третья. Том четвертый**

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. Время бури. Часть третья. Том четвертый /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906266-6

В послевоенной Прибалтике продолжаются вооруженные конфликты. Побег через Балтийское море заканчивается трагедией для одного из героев, а в Западном полушарии продолжается охота за беглыми нацистами.

ISBN 978-5-44-906266-6

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Книга четвертая	6
Пролог	6
Часть десятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вельяминовы. Время бури Часть третья. Том четвертый

Нелли Шульман

Иллюстратор Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2018

© Анастасия Данилова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-6266-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга четвертая

Пролог

Нью-Йорк, март 1947

Сырой, океанский ветер скрипел ржавой табличкой: «Сдается внаем».

Потрепанный, одноэтажный домик, с огороженным палисадником, по соседству с бейсбольным стадионом Эббетс-филд, на Бедфорд-авеню, предлагали по дешевке. Мебель в трех комнатках и на кухне стояла старая, довоенная. Плита и колонка, в ободранной ванной комнате, работали на газовых баллонах.

Газ надо было тащить волоком от мелочной лавки, содержавшейся выходцем из Пуэрто-Рико. Евреи, населявшие дома и квартирки, в окрестностях, заходили к мистеру Рикардо только за газом, сигаретами и билетиками лотереи штата Нью-Йорк. Остальную провизию жители квартала закупали в кошерных магазинах, усеивавших местные улицы:

– Ребе не запрещает играть в лотерею... – хмыкнул пуэрториканец, – они надеются сорвать миллион, выбраться из Бруклина... – начало марта выдалось пасмурным. С неба сыпался мокрый снег, таявший на асфальте. Люди кутались в шарфы, дышали на руки:

– Он той неделей купил электрический обогреватель... – мистер Рикардо узнал в заклеенном рекламными плакатами окне лавки знакомую фигуру, – правильно, у него маленькая дочка... – мистер Рикардо знал, кто занял пустующий домик, за два квартала от лавки. Табличку еврей пока не снял:

– Видимо, у него руки не дошли, или он не знает, как с отверткой обращаться. Я слышал, что он бухгалтер... – новости пуэрториканец получал от соседки, занимавшей вторую половину двухэтажного дома, где размещалась лавка и квартира. Рикардо, уроженец Бруклина, с детства нахватался еврейских словечек.

Миссис Гольдблат, вдова, мать единственной, засидевшейся в девичестве, дочери, была истинной йентой, сплетницей, как говорили евреи:

– Он приехал из Европы... – уверенно заявила женщина, распивая с соседом кофе на кухне, – Ривка слышала его акцент... – дочь миссис Гольдблат трудилась секретаршей в большой бухгалтерской практике, на Истерн-Парквей, по соседству с домом ребе. Рикардо никогда не навещал особняк красного кирпича, под номером семьсот семьдесят, где обосновался нынешний глава хасидов, и его семья. Пуэрториканец, разумеется, не ходил и в синагогу, но всегда вывешивал в лавке рукописное поздравление с еврейскими праздниками:

– Священник сказал, что ничего дурного здесь нет... – он поправил плакат: «Веселого Пурима», – в конце концов, половина моей клиентуры евреи... – по словам мисс Гольдблат, мистер Фельдблум, беженец, происходил из Польши. Рикардо тоже заметил в его речи знакомый, певучий акцент:

– Дома и в синагоге он говорит на идиш... – мистер Фельдблум устроился младшим бухгалтером в контору, где работала дочь соседки:

– Он только в феврале приехал из Европы, но удивительно быстро разобрался в нашей расчетной системе, – заметила мисс Ривка, – он способный, только очень скромный... – по легкому румянцу на щеках девушки, Рикардо понял, что новый коллега ей нравится. Пуэрториканец, искоса, бросил взгляд на пышную грудь, в блузке искусственного шелка:

– Мисс Ривка теперь каждый день губы красит... – он всегда засматривался на дочь соседки, – но понятно, что мне ничего не светит. Я ее возраста, но католик. Евреям такое запрещено... – судя по виду, мистер Фельдблум был старше пуэрториканца:

– У него седина, в бороде и на висках. Впрочем, если он в лагере сидел... – Рикардо читал о лагерях уничтожения в газетах, – то понятно, почему он так выглядит... – хозяин лавки провел войну в относительной безопасности. Перепоручив дело отцу, Рикардо пошел добровольцем во флот. В море он не попал. Пуэрториканца отправили в огромную хозяйственную часть штаба военно-морского флота в Норфолке. Дослужившись до старшего сержанта, Рикардо командовал штатом уборщиков, негров:

– В армии еще с первой войны появились наши офицеры, – гордо подумал он, – а теперь есть даже генералы и адмиралы. Негров в офицерские училища пускают, но до генералов им далеко, как нам, католикам, далеко до президента, католика... – после демобилизации родители стали подыскивать Рикардо невесту, из знакомых, пуэрториканских семей.

Втайне ему нравилась высокая, с большой грудью, дочь соседки по домику. Мисс Ривка красиво укладывала черные, густые волосы, и щедро мазала длинные ресницы тушью:

– Куда только смотрят евреи, – недовольно думал хозяин лавки, – она отменно готовит, образованная, получила диплом бакалавра... – мисс Ривка закончила школу бизнеса, в колледже Баруха, при университете Нью-Йорка. Дочь соседки занималась на частных курсах, собираясь сдать бухгалтерские экзамены:

– Подумаешь, всего приданого три комнатки и теща... – пуэрториканец улыбнулся, – разве в приданом дело? Девушке к тридцати годам, она хочет замуж... – темные глаза мисс Ривки затуманивались, когда она говорила о новом сотруднике. Колокольчик на двери звякнул. Мистер Фельдблум, вежливо поздоровался, на скованном английском языке:

– Интересно, есть ли у него номер на руке... – подумал хозяин лавки, – хотя евреи и летом в пиджаках разгуливают. Но у него дочка. Он, наверное, поведет девочку на пляж... – летом Бруклин располагался, с тентами и лимонадом, на белом, океанском песке. Стучали мячи мальчишек, девочки копошились над замысловатыми замками. Дети брызгались водой, визжали, над пляжем витал сладкий запах мороженого, из грузовичков продавцов звенели модные песенки.

Мистер Фельдблум бродил вдоль полок, рассматривая коробочки со спичками.

Рикардо взглянул на старое пальто, на мягкую шляпу, на каштановую, с проседью, бороду покупателя:

– Какой пляж? Он хасид. Мисс Ривка говорила, что он каждую субботу ходит к ребе в синагогу, а вечерами занимается в ешиве... – дочь соседки прыснула:

– В понедельник он приносит пирог, со стола ребе... – девушка выразительно закатила глаза, – в конце концов, это просто негигиенично. Хотя у нас работают и другие хасиды... – она бросила в покрашенный рот пластинку мятной жвачки:

– Он вдовец, – с интересом добавила мисс Ривка, – ему к сорока, и дочка при нем. Девочка тоже посещает хасидские классы... – ребенка мистера Фельдблума Рикардо видел издали, на улице. Судя по всему, вдовец убирался сам:

– Он, наверное, не сидел в лагерях, а где-то прятался, – решил Рикардо, – малышка не выжила бы в лагере. Жена у него умерла, он решил начать все сначала... – перед ним положили две коробочки спичек и несколько пачек дешевых папирос.

Глаза у мистера Фельдблума были добрые, усталые, в сеточке морщин:

– Он в конторе носит сатиновые нарукавники, и вообще он очкарик... – покупатель пользовался простым пенсне, – совершенно кроткое существо. Предложить ему, что ли, с табличкой помочь... – Рикардо задумался, – нет, еще обидится. Он мужчина, хоть и слабенький. Но нельзя его обвинять, он едва выжил на войне. Должно быть, он оружия никогда в руках не держал, только счетами умеет щелкать... – зазвенела касса. Мистер Фельдблум, тихо, попросил:

– И New York Post, пожалуйста... – Рикардо снял с деревянной палки газету, с кричащим заголовком:

– Джеки Робинсон подписал контракт с Бруклин Доджерс... – Рикардо имел сезонный билет на бейсбольные матчи. Он надеялся, что с приходом негритянского игрока, Доджерс выправятся:

– Он первый негр в Главной Лиге Бейсбола, – вспомнил Рикардо, – белые над ним, наверняка, начнут издеваться. Ничего, он крепкий парень, и хватит этой... – пуэрториканец нахмурился:

– Мисс Ривка так говорит. Дискриминации, да... – он решил, что еврей взял газету ради практики в языке:

– В бейсбол он точно никогда не играл, в Европе о нем и не слышали. И с New York Times ему не справиться. Мисс Ривка читает Times... – уважительно подумал Рикардо.

Фельдблум возился с газовым баллоном, прилаживая его к старушечьей сумке на колесах. С такими бруклинские домохозяйки обходили лавки в поисках уцененных товаров. Рикардо заметил заснеженную курицу, в веревочной сетке, промокший бумажный пакет, с овощами:

– Он сам готовит. Девочка у него еще маленькая... – из кармана пальто еврея высовывалась золотистая ленточка:

– Подарок ребенку несет, у них скоро праздник... – Рикардо сбросил в кассу доллары, – и что мисс Ривка в нем нашла? Он эмигрант, без гроша за душой, а она американка в втором поколении, и красавица. Она похожа на покойную мисс Фогель... – Рикардо бережно хранил обрамленную афишу, военных времен, с автографом певицы. Мисс Фогель приезжала с концертами на базу в Норфолк:

– Мы ее пронесли на руках от сцены до машины... – Фельдблум, наконец, пристроил, свой баллон, – она замечательно пела, даже слезы на глаза наворачивались... – вздохнув, пуэрториканец, поинтересовался:

– Билетик лотерейный не возьмете? Скоро розыгрыш... – еврей покачал головой:

– Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека. Спасибо, всего хорошего... – дверь хлопнула. Фельдблум, сгорбившись, потащил сумку по Бедфорд-авеню. Темная фигура скрылась в сырой метели.

– Не на человека, а на лотерейное бюро штата Нью-Йорк. Хасид, одно слово... – сочно подытожил Рикардо. Воткнув в розетку вилку старой электрической плитки, он решил сварить кофе и покурить. День, судя по всему, предстоял тихий.

На шкале отделанного черным деревом и янтарем, радиоприемника, переливался зеленый огонек:

– После программы новостей... – низким голосом пообещал диктор, – слушайте музыкальную передачу недели. Запись из Метрополитен-опера, представление от первого февраля. Опера «Ромео и Джульетта», Шарля Гуно, поют мисс Биди Саяо и мистер Юсси Бьерлинг... – длинные, холеные пальцы покрутили рычажок:

– Новости мы знаем, милая... – Мэтью потянулся за сигаретами, в золотом портсигаре, – свари нам кофе, откроем одну из этих заманчивых коробок... – он кивнул на выложенный муранским стеклом столик, – устройшись у меня на коленях, и мы послушаем великую музыку... – Мэтью с детства любил классику. Его мать отлично играла на фортепьяно, дядя Хаим водил детей на утренники, в Метрополитен-опера и зал Карнеги:

– Аарон, правда, после бар-мицвы не ходил в оперу, только на инструментальные концерты... – откинувшись в кресле, генерал щелкнул ронсоном, – он у нас был соблюдающий человек. То есть и остается соблюдающим... – Мэтью привез Деборе связку новых конвертов, от якобы живого капеллана.

Аарон продолжал вести службы в московской синагоге, преподавать в ешиве и университете. Согласно тексту писем, кузен начал докторскую диссертацию, по еврейской истории:

– Осталось немного подождать, моя милая... – Мэтью блаженно вытянул ноги, – я увижу с тобой и маленьким Аароном, чтобы больше никогда не расставаться... – сизоватый дымок виргинской папиросы реял над светловолосой головой генерала. С кухни доносился приглушенный вой электрической мельницы:

– Дебора живет в роскоши... – он закрыл глаза, – она одна с Аароном, в десяти комнатах. Но в России она тоже получит все, что захочет. Я генерал, куратор атомного проекта, у меня появится дача, машина, яхта... – по совету товарища Нахума, перед исчезновением, Мэтью намеревался опустошить свои банковские счета:

– Меня с Деборой заберет особая подводная лодка. Можно не заниматься переводом наличности в нейтральную страну, а взять деньги с собой... – спокойно размышлял генерал. Он намеревался тихо, не привлекая внимания, продать вашингтонскую квартиру.

Мэтью обвел глазами огромную гостиную Горовицей. Три высоких окна, выходящих на Парк, залепило мокрым снегом. По дороге с аэродрома Ла Гуардия Мэтью остановил такси у роскошного гастрономического магазина D'Agostino, на Лексингтон-авеню. Гнать машину, по запруженным из-за снегопада улицам, в Нижний Ист-Сайд, или, того хуже, в Бруклин, было опасно. Учитывая причину его появления в Нью-Йорке, Мэтью не хотел, без нужды, болтаться на окраинах.

Позвонив по междугородней связи, из Калифорнии, он заказал в магазине корзину, с кошерными конфетами и шоколадом, с виноградным соком, для малыша и французским бордо, для Деборы. На оранжевых боках апельсинов, на крупных грейпфрутах из Флориды, таяли снежинки. В магазине позаботились и о тропической папайе и манго, и о сочном, спелом ананасе.

Пока корзину паковали, Мэтью заскочил в цветочную лавку, по соседству. Вместе с подарком на Пурим, положенным согласно заповедям, Дебора получила букет темно-красных, бархатистых роз:

– Жаль, что Аарон ночует в Бруклине... – Мэтью, лениво, покурил, – но ничего, он скоро увидит свой подарок. Впрочем, не жаль. Наконец-то, можно не торопиться... – он предполагал, что после ареста Меира, квартира поступит в казну:

– Без согласия Деборы, Эстер и коротышки апартаменты никак не продать... – Мэтью слегка улыбнулся, – кузена я найду, но на его подпись на договоре рассчитывать не стоит. Ему, как и Эстер недолго жить осталось. Дебора от меня получит другую квартиру. То есть не от меня, а от СССР... – Мэтью, все равно, сожалел, что выручка за десять комнат Горовицей уплывет из его рук. Он хотел внести вклад, от своего имени, для восстановления промышленности новой родины:

– Или можно учредить стипендию, в военном училище. Мой мальчик, непременно, станет офицером... – сына Мэтью пока не нашли, как ни искали. Не нашли и пропавшего с главной площади Нюрнберга полковника в отставке Горовица. Кузен словно растворился в воздухе. О бегстве Меира, как и о ранении наставника, Мэтью узнал из московских сведений. Американская секретная служба не интересовалась у него местопребыванием кузена, а Мэтью, разумеется, о таком никогда бы не спросил:

– Дебора ничего не знает... – кузина обрадовалась его визиту, – я ненароком завел речь о Меире, однако она только покачала головой... – получив подарки, Дебора ахнула:

– Аарон будет в восторге. Но это дорогая игрушка, Мэтью... – генерал привез племяннику радиоуправляемую модель армейского вертолета. Игрушка была не только дорогой, но и единственной в Америке. Дрон, по заказу Мэтью, построили в мастерских авиационной базы в Розуэлле. Такими моделями пользовались на закрытых военных полигонах, где изучали аэродинамику и баллистику.

Ради Розуэлла он и появился в Нью-Йорке.

Мэтью пребывал в Калифорнии, где, под руководством профессора фон Кармана доводили до ума, как выражались ученые, конструкцию кузины. На следующее лето министерство обороны наметило, пользуясь принятым не так давно эвфемизмом, решающий рывок. Пальцы Мэтью подрагивали:

– СССР должен знать о будущем выходе в космос. Надо немедленно сообщить в Москву о июльском запуске. Если попытка удастся, то США выйдет вперед, в нашей гонке... – Мэтью не хотел тратить время на связь с вашингтонским куратором. Более того, появление генерала в столице, даже недолгое, вызвало бы ненужные вопросы:

Пурим начинался завтра, вечером четверга:

– Не такой это праздник, чтобы ради него брать отпуск. Я просто уехал на пару дней к океану... – погода в Калифорнии стояла отменная, Мэтью щеголял ровным загаром. Генерал, предусмотрительно, поменялся дежурством на выходные с коллегой по военному ведомству, куратором лаборатории Кармана. Полковник, скучавший по семье, только обрадовался.

Добравшись до Лос-Анжелеса, Мэтью показался в заранее снятом, по телефону, прибрежном мотеле. Машина генерала, с доской для серфинга, в багажнике, осталась на парковке городского аэропорта. Покинув Лос-Анжелес на вечернем рейсе, он прибыл в Ла Гуардию к завтраку:

– Сейчас обеденное время... – Мэтью потянулся, – пообедали мы отлично. Остается десерт, а потом мы пойдем в спальню... – он, с удовольствием, думал, что проведет в компании Деборы два дня:

– Завтра вечером она поедет в Бруклин, на чтение Свитка Эстер, но вернется домой... – невестка объяснила, что отвезла сына в резиденцию ребе на праздник, и шабат:

– Они ставят пуримшпиль, Аарон играет Мордехая... – заметила Дебора, – у них сейчас идут последние репетиции... – Мэтью сказал невестке, что вечером пятницы улетает из Нью-Йорка:

– Служебные обязанности не ждут... – развел он руками, – поздравь Аарона за меня, с днем рождения... – день рождения племянника был и пятилетней годовщиной гибели капеллана Горовица:

– Развод вступил в силу, – удовлетворенно понял Мэтью, – теперь Дебора свободна... – капеллану, вернее, его образу в письмах, осталось недолго жить. Мэтью бросил взгляд на дверь в кухню:

– Нет, не стоит торопиться. Балкон скользкий, но зачем Аарон пойдет на балкон, в марте? Хотя голуби гнездятся и зимой. Но сейчас времени на такое нет... – Мэтью наметил смерть мальчика на осень:

– После испытания в Розуэлле, перед тем, как мы с Деборой исчезнем... – он широко зевнул, – несчастья случаются на воде, на дороге... – в кармане штатского пальто Мэтью лежал конверт, с зашифрованными данными о предстоящем запуске тарелки.

Явка в Нью-Йорке была запасной, адрес использовали в случае срочных дел. Мэтью позвонил по телефону, нацарапанному на конверте, из автомата в аэропорту Ла Гуардия. Мужской голос, с тяжелым бруклинским прононсом, сказал, что его ждут завтра, в местной публичной библиотеке:

– Дама в бордовом жакете, и каракулевой шапочке. В пять вечера, в вестибюле. Она придет с New York Post, завтрашним номером... – Мэтью криво записал, на том же конверте: «Брклн. Пб. Биб, 17.00». За сохранность материалов он не беспокоился:

– Дебора никогда не полезет в чужие вещи. Она понимает, что от меня зависит ее дальнейшая судьба, судьба ее сына... – закинув руки за голову, он хмыкнул:

– Долго она с кофе возится. Или перечитывает, утирая слезы, так называемые письма мужа? Ничего, я ее утешу, сейчас и начну... – Мэтью не сомневался в успехе будущего запуска:

– Тарелка вырвется в космос, но СССР, пользуясь моими сведениями, отправит аппарат в стратосферу раньше Америки. Хоть бы пришлось кузину саму туда посадить... – судя по данным от товарища Нахума, Ворона пока била баклуши:

– Просто я еще не приехал в Москву, – Мэтью раздул ноздри, – при мне она быстро заработает. И пропавшую внучку дяди Александра я тоже найду... – такое задание поступило из Москвы, – оказывается, товарищ Нахум, до войны, именно ее мне сватал. Предательницу отыщут и расстреляют, как и Князеву. И вообще, мне никто, кроме Деборы, не нужен... – на него пахнуло тревожным ароматом горечавки. Она держала поднос:

Темно-красные губы улыбнулись:

– Прости. Я звонила на Истерн-Парквей, к ребе. С Аароном все в порядке... – поднявшись, Мэтью забрал кофе:

– Разумеется, ты беспокоишься за мальчика. Садись, садись, пожалуйста... – он устроил Дебору к себе на колени:

– Я скучал по тебе, так скучал. Возьми шоколад, обними меня... – Мэтью повернул рычажок. Серебристое, нежное сопрано наполнило гостиную:

– Ah! —
Je veux vivre
Dans le rêve qui m'enivre;
Ce jour encor,
Douce flame...

Он целовал горячие, сладкие губы:

– Словно пламя. Ты сама, словно пламя, Дебора....

Уютно свернувшись в плетеной корзинке, Ринчен грыз косточку.

На прибранной кухоньке стояла тишина. На полке, над жестяной раковиной сверкала вымытая посуда. На стене прикрепили еврейский календарь, в простом, черно-белом, издании. Пятницы отмечали снимком горящих свечей, серебряного бокала, прикрытой салфеткой халы. На расшатанном столе, в деревянной хлебнице лежали аккуратно нарезанные, румяные куски плетеной буханки. Зазвенела ложечка в чашке, пес поднял голову:

Меир улыбнулся:

– Ешь, ешь. Все в порядке, дети спят... – кухня была маленькой. Не вставая с табурета, приоткрыв дверь, он прислушался. Дети, действительно, спали.

После ужина Аарон показывал Еве еврейские буквы. В пять лет племянник бойко читал и писал:

Поднявшись, распахнув форточку в сырой мрак, Меир чиркнул спичкой:

– Ребе с ним лично занимается. Они, как положено, начали с Торы... – в ешиве, как тоже было положено, для скорбящих, мистер Фельдблюм изучал трактаты Мишны.

Меир, мимолетно, подумал, что за годы войны не потерял ни привычки к чтению священных текстов, ни знания американской бухгалтерии:

– Хорошо, что наш хозяин не занимается серыми делишками, как мой бывший патрон, в Чикаго, – усмехнулся он, – иначе я, непременно, вывел бы его на чистую воду... – об истинном лице мистера Фельдблюма, о происхождении его дочери, в Нью-Йорке знали ровно три человека:

Он стряхнул пепел на заснеженный карниз:

– Ребе, его зять, и Дебора. И, конечно, Аарон... – над мутно белеющим в темноте газоном порхал голубь. Племянник кивнул:

– Не волнуйтесь, дядя Меир, – серьезно сказал мальчик, – мама и ребе все мне объяснили. Вы сейчас в подполье, словно на войне. Вам надо вести себя осторожно. Обещаю, я ничего, никому не скажу... – племянник так напоминал погибшего Аарона, в детстве, что у Меира, иногда, перехватывало сердце:

– Аарон тоже рос высоким. У малыша волосы выются, он похоже голову чешет, под кипой, так же карандаш грызет... – мальчик, зачарованно, слушал рассказы Евы об Индии, Африке и Южной Америке:

– В Кейптауне, в зоопарке, я видела льва... – дочка распахнула серо-синие глаза, – но в Дели и Нью-Йорке они тоже живут... – Меир опасался возить Еву на Манхэттен. Он отлично помнил, что за квартирой у Парка следят:

– Тем более, сейчас, когда я, что называется, исчез с радаров. Переписку Деборы, наверняка, перлюстрируют, а мое бывшее ведомство всадило жучки в ее телефоны. Дебора преподает, ездит в Норфолк, в штаб флота, Аарон часто ночует в Бруклине... – ничто не мешало ФБР снабдить апартаменты не только жучками, но и фотокамерами. Меир не хотел просить невестку проверить технику и стены:

– Она не инженер. ФБР такое поведение покажется подозрительным. Мне в квартире тоже нельзя появляться. Марта бы пригодилась, но я даже не знаю, где она сейчас... – Меир не стал связываться с Джоном, или Монахом:

– Мало ли что. ФБР и мое бывшее начальство выписали ордер, на мой арест. Они отлично осведомлены о моих семейных делах... – достав из ловко устроенного тайника, в шкафу спальни, паспорт мистера Герреры, Меир съездил на Кадман Плаза, в величественное здание с башней, на бруклинский почтамт.

Отправился он туда в обличье беженца из Польши, Фельдблюма, но по дороге навестил кошерную забегаловку, быстрого обслуживания. Съев пережаренный, потерявший вкус гамбургер, и жирную, остывшую картошку, мистер Фельдблюм, при саквояже, посетил мужской туалет. На почтамте появился элегантно одетый мужчина, с золотыми часами. Бороду было никуда не деть, но Меир заметил, что она сильно меняет лицо:

– Правильно меня учили, на довоенном инструктаже. Вообще я теперь смахиваю на пророка Смита, то есть на прадедушку... – Меир видел дагерротипы мормонского старейшины. В Бруклине каждый второй мужчина на улице носил бороду, ничего необычного в обличье Меира не было.

Взяв абонентский ящик, на имя мистера Геррера, он отправил телеграмму своему женевскому адвокату, предупреждая его о новом адресе клиента. Меир распорядился пересылать в Нью-Йорк всю корреспонденцию:

Ринчен, бросив косточку, задремал:

– Я дал Марте мой женевский адрес, но пока от нее никакой весточки не поступало... – с Деборой Меир связывался через ребе. Звонки с Истерн-Парквей в квартиру миссис Горовиц подозрения не вызывали:

– ФБР знает, что Аарон учится в Бруклине. Однако они могут пустить за Деборой хвост... – с невесткой они встречались в людных местах, в зоопарке в Бронксе, в бруклинских парках и магазинах, или просто в метро:

– Она даже провизию привозит... – на Меира пахло тревожным ароматом горечавки, – сколько бы я ее не уверял, что умею готовить... – дочка помогала Меиру на кухне. Подпоясавшись полотенцами, большим и маленьким, они чистили овощи, варили суп, и пекли кексы.

Меир купил кошерной, шоколадной пасты. Выбросив сигарету, вернувшись к столу, он намазал себе кусок халы:

– Ребе сказал, что вчера ему звонила Дебора. В Нью-Йорк, на Пурим, приехал гость... – кузен мог навестить город ради дня рождения племянника, но Меир сомневался, что Мэтью

оставит научные лаборатории, и полетит на другой конец страны, чтобы вручить Аарону подарок:

– Он сюда не просто так явился... – он пил остывший кофе, – только вот зачем... – на торопливых встречах с Деборой, Меиру, все время, чудилось желание невестки что-то ему сказать. Он видел обеспокоенность, в темных, красивых глазах, замечал, как она покусывает темно-красные, пухлые губы:

– Брось, ерунда, – напоминал себе Меир, – все игра воображения, как в тот раз, когда я ехал в Японию. Дебора волнуется, надо мной висит ордер об аресте, а я разгуливаю с чужими документами... – бумаги Фельдблюма, правда, были надежными.

Меир появился на Истерн-Парквей в день прибытия в Нью-Йорк. Ребе и его зять несколько не удивились неожиданному визиту так называемого мистера Геррера, с дочерью. Саквоажи и Ринчен, в деревянной клетке, остались в прихожей бокового входа, откуда вела лестница в комнаты. Представившись, Меир услышал тихий голос старшего ребе:

– Мы знаем вашу семью, мистер Горовиц... – улыбнувшись, старик подмигнул Еве:

– Пойдем, выпьем чаю, милая. Твой папа и мой зять пока позанимаются... – Еву оставили с женщинами из семьи ребе. Вернувшись, бросив взгляд на раскрытую на столе Мишну, ребе велел Меиру: «Рассказывайте».

Черный телефон, на подоконнике, пока молчал:

– Все оказалось просто. Мне выдали удостоверение беженца, определили на работу... – в ящике письменного стола ребе лежала целая россыпь удостоверений:

– Он был моим хасидом, в Варшаве... – ребе смотрел на черно-белое фото, – потом я добрался до Америки, в частности, благодаря вашему старшему брату, благословенной памяти. Господин Фельдблюм остался в Польше... – ребе, словно, хотел сказать что-то еще, но только повторил:

– Остался, как и другие хасиды... – в комнате пахло дешевыми сигаретами, за окном медленно темнело. Выжив в лагерях, Фельдблюм, в прошлом году, приехал в Америку:

– Он здесь умер, – ребе помолчал, – провел в Бруклине всего неделю, а потом у него случился сердечный приступ, в ешиве. Он был ваш ровесник. Есть вещи, которые человек не может пережить... – вспомнив гору трупов, у ворот Доры-Миттельбау, Меир вздохнул: «Да».

Он завел разговор о Еве. Ребе поднял большую ладонь:

– Мистер Горовиц, малышке четыре года. О чем может идти речь, когда она потеряла мать? Будьте рядом, вы ей нужнее всего. Разберемся, когда она подрастет. Пусть ходит в классы, учит язык... – в классах Еву считали беженкой из Европы. Таких детей в Краун-Хайтс было много, никто их не расспрашивал о прошлом:

– В Израиле тоже не говорят о прошлом, – Меир, устало, закрыл глаза, – а зря. Марта считает, что прошлое еще поднимет голову. Но я не могу обвинять Эстер. Она правильно делает, что не напоминает мальчишкам о лагере. Зачем, после всего, что они пережили? Давид погиб, его больше нет. И Авербах мог погибнуть. Нельзя его подозревать в работе на русских, как нельзя думать, что Авраам продан НКВД. Марта не знала, удалось ли его освободить, с Валленбергом... – судя по словам невестки, еще один пропавший без вести, Теодор, в Америке не появлялся.

– Или появлялся, но мы об этом никогда не узнаем, как Марта не узнает, что случилось с ее матерью и братом, с ее отцом... – Меир поскреб покрытую бородой щеку:

– Надо ложиться спать. Понятно, что Дебора не звонила ребе... – трубка подпрыгнула, он вздрогнул. Ринчен, заворчав, заворочался.

Мистер Фельдблюм жил тихо, никого к себе не приглашая. Собаку надежно скрывали высокие стены заднего двора:

– Иначе могли бы появиться вопросы. Хасиды не держат домашних животных, не ходят в кино... – избегая подозрений, Меир не водил Еву в бруклинские кинотеатры. Он забирал дочь и племянника из воскресных классов и вез их куда-нибудь в Квинс. Деборе звонил ребе, она подхватывала Аарона из кинотеатра. По дороге Меир покупал малышам кошерные сладости и лимонад. Пока Ева и Аарон следили за приключениями Дональда Дака, он брал чашку кофе, у скромного прилавка в вестибюле:

– Я видел афишу, – Меир снял трубку, – в апреле пойдет многосерийный фильм, «Черная Вдова». Правитель восточной державы посылает в Америку агентов, чтобы украсть секрет атомной бомбы... – он убеждал себя, что звонит торговец страховками или какой-нибудь, очередной, дрянью:

– Только у нас, единственная возможность, как они говорят. Они и вечером не стесняются людей беспокоить. Впрочем, они получают процент с продаж... – в трубке Меира ждал знакомый голос. Выслушав, коротко поблагодарив, он закурил еще одну сигарету. Потянув со стола блокнот, Меир открыл чистую страницу:

– Завтра в пять вечера, в Бруклинской Публичной Библиотеке. Отпрошусь с работы, как в школьные времена, сделаю вид, что у меня зуб заболел. Посмотрим, что понадобится Мэтью в наших краях. Но с оружием мистер Фельдблюм туда, разумеется, не пойдет... – потрепав Ринчена за ушами, Меир отправился в ванную.

Расплавленный, горячий сыр капал на большую тарелку.

Деревянные столы в пиццерии «У Джона», с конца двадцатых годов обосновавшейся на Бликер-стрит, в Нижнем Манхэттене, пестрили вырезанными надписями, сердцами со стрелой, инициалами и чернильными пятнами. Пиццу в забегаловке готовили на манер нью-йоркских итальянцев. Сицилийцы привезли в западное полушарие свою фокаччу. «У Джона» лепешки выпекали в дровяных печах, щедро шлепая сверху томатный соус, добавляя острый сыр пекорино романо, овощи, и жгучую салями. К столу приносили противень, кусками пиццу не подавали и чеки тоже не принимали:

– Убери чековую книжку, Аллен, – распорядился Донован, изучая этикетку на бутылке вина, – и вообще, ты гость города, так сказать... – окно кабинки выходило на запряженную такси и машинами Бликер-стрит. Сеял мелкий, надоедливый снежок. Клерки, из окрестных небоскребов, где помещались банки, адвокатские и бухгалтерские конторы, разбегались по дешевым заведениям, на ланч. В такси и лимузинах сидели партнеры юридических практик, банкиры и аудиторы. Их ждали роскошные рестораны, у Парка или на Верхнем Ист-Сайде:

– Крахмальные салфетки, и столовое серебро, а не пицца без скатерти, и тупые ножи... – Даллес, упорно, пилил ножом свой кусок. За стеной кабинки гомонили посетители:

– Пиццу надо есть руками, Аллен... – наставительно сказал Дикий Билл, – поверь человеку, посещавшему домашние обеды у итальянских соседей, в родном Буффало... – он, весело, добавил:

– В твоём захолустье, Уотертауне, пиццы не найдешь. Давай стакан. Молодое фраскати, прошлогоднего урожая. У мистера Сассо, хозяина... – он кивнул в сторону коридора, – хорошие связи с родиной. Как говорят в Италии, в стакане фраскати весь вкус Рима... – белое вино пахло жаркой, нагретой землей, осенним солнцем:

– Коммунистический напиток... – подмигнул Донован гостю, – учитывая нынешний состав итальянского правительства. Впрочем, и ребята... – он махнул в окно, – томящиеся в пробках, в ожидании устриц, тоже закажут коммунистическое бордо, из Франции... – бросив терзать пиццу, Даллес, опасливо, взялся холеными пальцами за кусок.

– Мы могли бы встретиться в Устричном Баре, на вокзале Гранд-Централ... – пробормотал он.

Попивая вино, дожевывая пиццу, Донован отозвался:

– Во-первых, здесь три минуты хода от моей конторы. Я больше не правительственный бездельник. Мне платят клиенты, я не могу позволить себе трехчасовые ланчи. Город стоит в пробке, впрочем, когда он в ней не стоит? А во-вторых... – он закурил, – ты вряд ли хочешь объявлять всем и каждому, что находишься в Нью-Йорке? Неизвестно, кто еще посещает Устричный Бар... – Даллес достал трубку:

– Не думаю, что Ягненко пойдет есть устрицы, – желчно сказал он, – но вообще Гувер настаивает, что он заглянет в Нью-Йорк, с чужим паспортом, навестит племянника и невестку... – Донован вытянул ноги:

– Пока что Утка, как вы ее называете, принимает другого родственника... – он распорядился: «Давай материалы».

Квартиру Горовицей поставили под наблюдение, переписку вдовы капеллана читали, но местное отделение ФБР, несмотря на настойчивые распоряжения из Вашингтона, пока не снабдило апартаменты жучками.

– Ребята тянут время, отделиваются техническими причинами задержки... – Донован шелестел бумагами, – я знаю, почему они волят. Корпоративная солидарность. Гувер может наизнанку вывернуться, но он имеет дело с парнями, прошедшими фронт. Парни не верят, в предательство капеллана, не верят, что Ягненко работает на русских... – Донован и сам, все меньше, верил в такое:

– Мы загнали миссис Анну на край земли, вернее, под землю. Оттуда ей с русскими никак не связаться... – прежде чем приступить к отчету поста у квартиры Утки, Донован поинтересовался:

– Как проходят допросы? Он сказал, хоть что-нибудь... – Даллес протер пенсне:

– Наша общая знакомая отлично справляется, однако пока он отделяется костями, а не мясом, если можно так выразиться... – пребывая в отсутствующем на карте ущелье, Каммлер много и охотно разговаривал о строительных объектах, находящихся на территориях, куда союзникам хода не было. На Аляску, от британцев, привезли карту Совиных Гор. Обергруппенфюрер показал расположение тайных хранилищ оружия. Даллеса не интересовали ржавые пулеметы и банки с газом Циклон-Б. Он пыхнул почти пустой трубкой:

– Известный тебе пленный настаивает, что ровным счетом ничего не знает, ни о якобы ракетах, на острове Элсмир, ни о том, где находятся его беглые коллеги... – Каммлер утверждал, что после известия о капитуляции Германии тайно добрался из Праги в бывший рейх:

– Я купил поддельные документы и попытался уйти от ответственности, спрятаться под чужим именем... – миссис Анна рекомендовала использование фармацевтических средств:

– Ее саму так допрашивали, на Лубянке, летом сорок первого года, если верить ее биографии... – Даллес вздохнул: «Если верить».

Женщина находилась в совершенном спокойствии. Она выполняла порученную работу, подавала аккуратные протоколы допросов Каммлера и занималась аналитикой. О судьбе мужа, пропавшего без вести в России, она не спрашивала. Прилетая на Аляску, Даллес видел, как сын похож на отца:

– Настоящий мистер Федор, только пока маленький... – крепкий, серьезный парнишка, почти ничего не говорил, но любил копошиться с кубиками, строя башни и стены. По донесениям охранников, миссис Анна читала сыну вслух две единственные, позволенные ей книги:

– Родовые тома мистера Федора, Пушкин и Достоевский... – книги проверили чуть ли не с микроскопом, – и она говорит с мальчиком на двух языках... – по соображениям осторожности, Даллес не посадил в охрану тюрьмы русскоязычных работников. Записи болтовни женщины, каждый день, переводили в Вашингтоне:

– Она поет сыну колыбельные, о коте... – Даллес набил трубку медовым табаком, – впрочем, это тоже может быть шифр. Хотя какой шифр? МГБ понятия не имеет о расположении

нашего ущелья. В любом случае, когда она закончит кормить, ребенка увезут... – пока что мальчик предпочитал именно материнское молоко.

Даллес вспомнил, что в начале сороковых годов, Донован авторизовал использование фармакологических средств, на допросах гангстеров:

– Потом случился Перл-Харбор, и нам стало не до этого. Мэтью занимается связью с химиками... – судя по лицу Донована, он дошел до сведений, от наружного наблюдения. Дикий Билл, неожиданно, поднял голову:

– Имущество мистера Федора тоже арестовали... – Даллес удивился:

– Разумеется, осенью сорок пятого года, когда началась вся... – он поискал слово, – катавасия. Его счета заморожены, недвижимость конфискована... – Дикий Билл буркнул:

– Привези ей клинок. Картины пусть лежат на складе ФБР, на Аляске климат не подходящий, а сабля пусть у парнишки останется. Мальчик отца потерял. Мать он скоро тоже больше не увидит... – он помолчал:

– Мистер Федор мне говорил в Париже об их семейной реликвии. У них так положено, вещь от отца к сыну передается... – почти угрюмо повторил Донован:

– Ты знаешь, что она настаивала именно на Мэтью, как на Пауке... – Даллес видел табличку, руки миссис Анны:

– Знаю, – подтвердил он, – но мы тогда посчитали, что она водит нас за нос, защищая Меира... – Донован смотрел на хлопья мокрого снега, в окне:

– После пропажи Вороны миссис Анне ничего не стоило исчезнуть из Пьюджет-Саунд, – тихо сказал он, – а ее мужу, если он работал на русских, незачем было спасать мистера Кроу и раскрывать себя. В общем, Аллен, генерал Горовиц лжет в деталях, а дьявол, как известно, таится именно в них... – агенты, наблюдающие за квартирой Утки, сообщили, что вчера у Парка появился генерал Горовиц. Мэтью приехал в штатском костюме, на такси. При генерале имелся небольшой саквояж и огромная, подарочная корзина. С тех пор он не покидал апартаменты вдовы капеллана.

Из Пасадены отпрапортовали, что генерал, поменявшись дежурством, отправился отдыхать, к океану:

– Он может ухаживать за Уткой, – задумчиво сказал Донован, – ее развод вступил в силу. У ее сына день рождения, он мог привезти подарки, или, например, приехать делать ей предложение... – Донован вытер губы бумажной салфеткой, – но зачем тогда ему было лгать в Пасадене, Аллен? И что за письмо он отправлял, в Нюрнберге... – по словам Даллеса, в Нюрнберге, в то время, не служило ни одного человека из тех, кого мог бы знать генерал:

– Он мог выйти через служебную лестницу, – заметил Даллес, – подъезд для поставщиков за углом, из нашей машины его не видно... – Донован вскинул бровь:

– Напротив дома, с прошлого века, стоит книжная лавка. Отправь туда какого-нибудь... – он покрутил рукой, – студента, Колумбийского университета. Пусть роется в старых изданиях, как я, в свое время... – Даллес подумал: «И как Ягненок».

– Только найди местного уроженца... – Дикий Билл бросил на стол купюры. Даллес удивился: «Почему?».

– Чтобы он умел пользоваться подземкой и не потерял в ней... – Донован полистал папку, – Яблочного Пирога, буде генерал решит выбраться под снегопад... – Даллес потянулся за пальто:

– Горовиц может поехать на такси, куда бы он не направлялся... – Донован остановился на пороге кабинки:

– Тем более, пусть твой студент умеет пользоваться такси... – он взглянул на часы:

– Яблочный пирог в заведении не подают, да и вряд ли кусок полезет нам в горло. Пойдем, кофе у меня в конторе варят ничуть ни хуже, чем у мистера Сассо... – Даллес взял шляпу:

– Кстати говоря, президент уполномочил меня сообщить, что тебя всегда ждут в нашей новой, будущей организации... – Дикий Билл зевнул:

– Центральное Разведывательное Управление. Спасибо, я лучше останусь в роли добровольного консультанта, как наша общая знакомая. Конечно, есть опасность, что вы меня тоже на Аляску загоните, составить ей компанию... – Даллес подхватил потрепанный, довоенный портфельчик:

– ВВС неподалеку от нас строит новую базу. То есть инженеры переоборудуют старую полосу, из тех, что мы использовали в программе ленд-лиза. Не совсем неподалеку, в двух сотнях миль на юго-запад, но в тех краях, это, практически, по соседству... – Донован кивнул:

– Полоса Мозес Пойнт. Зачем она нужна ВВС, в такой глуши... – Даллес, нехотя, ответил:

– Президент хочет разместить там ракеты фон Брауна. На всякий случай, рядом русские. Вдруг придется пустить в действие оружие... – Донован распахнул хлипкую дверь забегаловки:

– Чтобы стрелять куда? На Колыму, где Сталин держит эка? Они только образуются атаке американцев, и я их понимаю. Нет, Аллен, нам нужны ракеты в Европе, а не на Аляске... – нырнув в толпу, они скрылись из виду.

В большой гостиной дома ребе, на первом этаже, женской галереи не устраивали.

Женщины и девочки слушали чтение Свитка Эстер, за бархатной портьерой, перегораживающей комнату. После службы занавеску отдергивали, в прихожей ставили урну, с горячей водой. На подносах появлялись румяные, свежие уши Амана, с начинкой из джема и лимонов.

Дети, разыгрывающие Пуримшпиль, переодевались в отдельной комнате. Декорации оставили на месте, не трогая вырезанные из фанеры силуэты городских стен и башен, под которыми дети репетировали, днем.

Дебора приехала в Краун Хайтс после обеда, проведя университетские занятия, получив от преподавателей, евреев, поздравления с праздником и пакетики со сладостями. Утром, на кухне, она тоже разложила по бумажным фунтикам конфеты и шоколад, орехи и калифорнийский чернослив.

В квартире царила тишина, Дебора не стала включать радио. На газовой плите грелась сковорода. Она вытащила из рефрижератора кошерные сосиски, упаковку яиц, достала хлеб из еврейской пекарни. Плотно закрыв дверь, она смолочила кофе.

Приоткрыв форточку, в серое утро, стоя с чашкой, Дебора затягивалась сигаретой:

– Ночью он сказал, что хочет отдохнуть, что собирается долго спать... – она носила шелковый, легкий халат, – но, все равно, потребовал завтрак в постель... – в ушах звучал вкрадчивый шепот:

– Я поем и опять посплю... – он улыбался, в темноте спальни вспыхивал огонек сигареты, – а вечером я буду тебя ждать, возвращайся быстрее... – Дебора передернулась от промозглого ветерка, с улицы.

Запахивая халат, она покосилась на синяки, на смуглой груди, на тонкой работы звезду Давида, на золотой цепочке:

– Аарон подарил мне подвеску, в Сан-Франциско, когда мы отправлялись на Гавайи. Я ношу его семейное кольцо... – темная жемчужина переливалась на руке, – надо во всем признаться Меиру. Он должен знать, что Аарон, может быть, жив... – Дебора замерла:

– Но жив ли он, на самом деле... – она поняла, что и сама не так уверена в существовании мужа. Аарон никогда не посылал ей своих фотографий, объясняя отсутствие снимков правилами безопасности. В конвертах от мужа Дебора видела много фото городов СССР. Она изучала снимки будущей квартиры, в Москве, на улице Маросейка, рассматривала прохожих на улицах, плакаты со знакомым профилем Сталина, молящихся, в синагогах. Аарон ссылаясь на раввинов, работающих в Москве и Ленинграде, говорил о коллегах, в университете, занимающихся ориенталистикой.

Дебора, невзначай, справилась у ребе, делая вид, что заинтересована его довоенной жизнью, в России. В библиотеке Колумбийского университета она долго листала старые, десятилетней давности, подшивки советских академических журналов. Дебора не заказывала такие вещи на абонемент. Она никогда не занималась восточными языками, и не знала русского:

– Нельзя вызывать подозрения... – прислонившись к стеллажу, она вдыхала запах пыли, – но камер здесь нет, никто меня не увидит... – все фамилии оказались настоящими:

– И раввины, и преподаватели, действительно, существуют... – она, рассеянно, слушала знакомые строчки Свитка Эстер, – детали совпадают, но лингвистический анализ ясно показал, что Аарон, не единственный автор писем. Паттерны его, но есть и следы другого авторства, вернее, авторств... – блокнот с выкладками, Дебора держала в кабинете, на работе:

– Мэтью остается в квартире один. Ему ничего не стоит поинтересоваться содержимым сейфа. Дядя Хаим его никогда не закрывал. Мэтью знает, где находится сейф, в библиотеке... – появившись в Нью-Йорке, деверь предупредил ее, что за квартирой могут следить:

– Все из-за меня, Дебора... – Аарон и Ева прилипли к ограждению, рядом с клеткой для горилл, в зоопарке Бронкса... – ФБР считает, что я работаю на русских... – с бородой, деверь, неожиданно, напомнил Деборе старшего брата:

– Я никогда не видела Меира с бородой, – поняла она, – ему идет... – Дебора ахнула:

– Меир, они ошибаются. Ты всегда честно воевал, ты кавалер Медали Почета... – он вздохнул:

– Как известно, кто угодно может стать предателем, Дебора... – сидя на жестком, старомодном стуле, Дебора подергала высокий воротник кашемирового свитера. Длинная юбка падала к щиколоткам:

Она обвела взглядом ряды девочек и женщин:

– Если бы они знали, что я делаю, если бы знал маленький Аарон... Но все ради него, я не могу с ним разлучиться... – Мэтью постоянно напоминал, что ждет Дебору, в случае, если секретная служба узнает о письмах:

– Учитывая, что Меира тоже подозревают... – она сомкнула веки, – его могут отправить на электрический стул. Меня посадят в тюрьму, а Ева и Аарон останутся сиротами. Я не могу такого позволить... – девочка привалилась к ее боку.

Деверь объяснил, что не знал о существовании дочери:

– Я очень любил покойную Тессу... – сняв пенсне, он протер простые стекла, – но нас развела война. Меня вызвали в Индию, по делам, и так мы встретились... – Меир не хотел никому, даже Деборе, упоминать о Марте:

– Пока не надо, – сказал он себе, – Монах, разумеется, знает о ее существовании, но на Монаха можно положиться, всегда и во всем. И Эстер знает, но она тоже ничего, никому не скажет... – дочка и племянник хохотали, бегая у ограждения. Маленький детеныш гориллы повторял их движения. Меир вдохнул знакомый, острый аромат зоопарка:

– Папа нас водил сюда, детьми... – он избегал взгляда невестки:

– Тесса погибла, во время покушения на Ганди. Вот и получилось, что... – дочка уселась у стекла, детеныш обезьяны устроился по другую сторону ограждения. Аарон, восхищенно, смотрел на девочку:

– Они играют в ладошки, – понял Меир, – в Кейптауне, в зоопарке, она тоже так делала. К ней все животные тянутся. Животные, цветы... – темные косички Евы украшала самодельная, бумажная корона. Уши девочки смешно оттопыривались, карманы скромного платья она набила конфетами, на коленях лежали остро пахнущие шкурки мандарина. Пальчики сомкнулись вокруг шоколадки. Ева облизнулась:

– Все очень вкусно, тетя Дебора. Папа обещал вечером принести подарки... – Дебора не заметила на службе мистера Фельдблюма. Она предполагала, куда направился Меир:

– Он в чем-то подозревает Мэтью. Не зря он меня попросил сообщать, если Мэтью появится в Нью-Йорке. Я и сообщила. Но зачем Мэтью ехать в Бруклин, в публичную библиотеку... – Дебора не рискнула открыть конверт, в кармане пальто генерала:

– Внутри лежали бумаги, – вспомнила она, – конверт пухлый... – сердце тоскливо заняло:

– Надо признаться Меиру, но как... – Дебора понимала, что ей придется рассказать и об остальном. Она, незаметно, помотала головой:

– Нет, не могу. Это стыд, такой стыд. Объясню, что Мэтью только передает мне конверты, от Аарона. Но Аарон ли пишет эти письма... – вздрогнув, она почувствовала влагу на щеках.

Из-за портьеры донесся шум, мужчины и мальчики топали ногами по полу:

– Чтец дошел до имени Амана, – поняла Дебора, – маленький Аарон рядом с ребе сидит. Но если я ошибаюсь, если Аарон жив? Если он в Москве? – Дебора сглотнула:

– Меир никогда так не поступит. Он не ответит от себя подозрения ценой доноса на собственного брата. И даже в этом случае, Меира, все равно арестуют. Нас всех арестуют... – Ева, увлеченно, вертела трещоткой.

Маленькая, испачканная шоколадом ладошка девочки легла в руку Деборы. Она ощутила пожатие детских пальчиков:

– Нас учили в классах... – шепнула Ева, – Аманы всегда понесут наказание. Так с нацистами произошло... – встретив Еву, Дебора удивилась ее бойкому английскому языку:

– Мапочка всегда говорила со мной по-английски, – погрустнела девочка, – а еще я знаю хинди и гуджарати... – о таком, в классах, Ева не распространялась.

Преподавали им на идиш, девочка быстро схватывала язык:

– Иврит мне тоже хорошо дается, – гордо подумала она, – и месяца не прошло, а я читать могу. Не бойко еще, до Аарона мне далеко... – держа руку тети Деборы, она ощутила странный, далекий холод. Серые, спокойные глаза взглянули на Еву, она услышала знакомый голос:

– Ты молодец, у тебя все получается... – Ева не выпускала пальцы женщины:

– Ей тяжело, потому что дядя Аарон погиб... – она, смутно, видела усеянное обломками кораблей морское дно, – но я ей помогу. Ей обязательно, станет легче... – Дебора почувствовала неизвестно откуда взявшуюся уверенность:

– Господь обещал, что Амана повесят, так и случилось. Он тоже, словно Аман. Я все скажу Меиру, не откладывая. Я принесу письма, которые мне удалось сохранить, объясню методы анализа текста... – она коснулась губами мягкой щеки девочки: «Именно так, милая. Именно так».

Бронзовые двери бруклинской публичной библиотеки тускло сверкали, в сырых сумерках. Главный подъезд здания выходил на продуваемую океанским ветром Гранд Арми Плаза. В поднявшейся метели виднелись очертания триумфальной арки, возведенной в честь погибших на гражданской войне северян. Конные барельефы, с президентом Линкольном, и генералом Грантом, почти скрылись под слоем мокрого снега.

Неприметный, бородатый человек, в старом пальто и мягкой шляпе, с потрепанным портфельчиком, под мышкой, шмыгнул под арку. Остановившись, прикрывая ладонями огонек спички, он закурил. Большие окна библиотеки переливались электрическим сиянием. В будние дни здание закрывалось в девять часов вечера:

– Сегодня будний день, – мистер Фельдблум шмыгнул носом, – у нас праздник, но библиотека работает по американскому календарю... – с обеда, обложившись пачками финансовых отчетов, мистер Фельдблум начал охать. Он принес из мужского туалета картонный стаканчик с водой. Фельдблум громко полоскал рот, сплевывая воду в корзину для бумаг. На неловком английском языке, хасид жаловался на зубную боль:

– И стреляет, и стреляет... – он с шумом набирал воздух, – а гройсере цурес... – он поправил себя:

– То есть большая неприятность, в праздничный день... – с утра работники обнаружили на столах скромные пакетики, от фирмы, с несколькими конфетами и горсткой орехов. Мистер Фельдблум улыбнулся:

– Отнесу дочке. Она сегодня идет с классом на чтение мегилы, в доме ребе. Такая честь, такая честь... – подзвав его к стойке секретарей, мисс Гольдблат указала на роскошную плетеную корзину, с россыпью дорогого, кошерного шоколада:

– Возьмите еще, для девочки, мистер Фельдблум. Боссу прислали много подарков... – хасид замахал руками:

– Что вы, что вы. Такое не положено... – в канун Пурима владелец компании получил корзину от персонала. Мисс Ривка собрала с работников по два доллара. Девушка проводила глазами сгорбленную спину Фельдблума:

– Он центами взнос отсчитал. Девочку, его, наверное, бесплатно учат, но видно, что он едва справляется... – слушая вздохи беженца, мисс Ривка растрогалась. Ее товарка по школе служила секретаршей в зубоврачебной практике. Мисс Гольдблат подняла телефонную трубку. Закончив разговор, она поманила хасида к себе:

– Уходите сегодня пораньше... – мисс Ривка выдала ему листок бумаги, с адресом, – вот хороший дантист, тоже еврей. Скажите, секретарю, что вы от меня... – она подмигнула Фельдблуму, – вам сделают скидку... – хасид покинул рабочее место в три часа дня.

Меир всегда славился тщательностью, в проведении операций. Покуривая дешевую сигарету, он ощупал языком пломбу:

– Как говорится, нет худа без добра. У меня и вправду, имелась маленькая дырка. Таких страданий она бы не причинила, но мисс Ривка об этом не узнает... – Меир вздохнул:

– Я в последний раз в Швейцарии к дантисту ходил. С той поры много воды утекло... – на его хронометре стрелка приближалась к пяти вечера.

Меир понятия не имел, что кузену понадобилось в публичной библиотеке Бруклина:

– Дебора ничего не сказала, по телефону, только упомянула место и время randevu... – влажная поземка била в лицо. Меир поежился:

– Словно под Ставело. Мы были готовы погибнуть, но не пустить немцев в прорыв. Я опоздал к папе, он отдал жизнь, защищая раненых. Тогда Бронфмана убили, в папином госпитале... – он вспомнил жесткий голос кузины Марты:

– Я уверена, что Мэтью и есть Паук. Я видела доктора Кроу... – Марта прошла по старому ковру бомбейской гостиной, – правда, всего одну ночь, в московской тюрьме. Меня случайно арестовали на улице, а доктора Кроу привезли в камеру для устрашения, чтобы ее сломать... – Марта резко повернулась:

– Из Норвегии ее украли вовсе не нацисты, и не русские... – отчеканила она, – от озера Мьесен ее увез американский десант... – женщина скривила губы, – под командованием нашего родственника. Идет большая игра советской разведки, Меир. В США, во главе этой игры находится генерал Горовиц... – Меир вскинул голову. Профиль Линкольна почти не был виден:

– Страннику и Странницу, героям Америки... – вспомнив фото бабушки и дедушки, он сжал руку в кулак, – Мэтью Вулф организовал убийство президента. Предок нашего Мэтью, полковник Вильямсон, закончил дни в тюрьме. Но тогда шла гражданская война. Миссис Анна и Теодор, в России, вообще в противоположных окопах лежали... – из-под арки можно было отлично разглядеть и подъезд библиотеки, и выход из подземки, на углу:

– Секретная служба, разумеется, отметила визит Мэтью к Деборе, – понял Меир, – но ничего подозрительного в его приезде нет. Пурим, у Аарона день рождения. Мэтью семья, они не пустят за ним хвост. Значит, дело остается за мной... – отведя Еву в классы, Меир успел

заглянуть в библиотеку, открывающуюся в девять. Бухгалтерская контора начинала работу с десяти.

Он вырос на Манхэттене, и всегда пользовался тамошней публичной библиотекой:

– Я никогда здесь не бывал, здание построили накануне войны... – мистер Фельдблюм, растерянно, озираясь в высоком, гулком вестибюле. Внимательно изучив правила пользования библиотекой, он прочитал объявления и афиши. Хасид, недоверчиво, осмотрел автомат, выдающий бутылочки с кока-колой и пакетики сладостей, потоптался у прилавка закрытого кафе. Справившись у дежурного библиотекаря о возможности получения читательского билета, вежливо приподняв шляпу, посетитель ушел.

Меир не знал, появится ли кузен на такси, или предпочтет метро:

– Мэтью хорошо разбирается в подземке. В детстве мы сами ездили на Кони-Айленд... – застучал мяч, пахло соленым ветром, в лицо ударил вихрь белого песка:

– Я вырос с Мэтью, я играл с ним в шашки, он приезжал ко мне на бар-мицву. Когда он у нас ночевал, мы делили комнату. Мы жили вместе, в Вашингтоне. Он носил дешевые костюмы, но отказывался от папиной помощи. Его отец погиб за Америку, его деда убили индейцы, его прадед был героем мексиканской войны. Кто угодно может стать предателем... – Меиру почти захотелось развернуться, скрыться в безлюдном, заснеженном Проспект-парке:

– Зачем Мэтью приехал в Нью-Йорк, из Калифорнии? С кем он здесь должен увидеться... – Меир убеждал себя, что кузен затеял интрижку:

– В его положении, в Вашингтоне, такое опасно. Его дама сердца, наверное, замужем... – Меир закрыл глаза:

– Не обманывай себя. Мэтью не встречался бы с бруклинской домохозяйкой. Он с восторгом говорил о кинозвездах, покупал светские журналы... – он помнил безукоризненную, парадную форму кузена, на обеде в ресторане Вилларда:

– Он танцевал с Иреной. Он отлично воспитан, привык к роскоши, вырос в богатстве. Потом их семья все потеряла. Мэтью выходил из-за столика, якобы для телефонного разговора. В номере Кривицкого я нашел светлые волосы. Мэтью навещал Мурманск, он поехал в Тегеран... – натренированным слухом, Меир уловил шум автомобиля.

По площади метнулись лучи фар, такси притормозило у главного входа в библиотеку. Стрелка его дешевых, купленных в хасидской лавочке, часов, показывала без одной минуты пять:

– Второго такси нет, – Меир прижался к мокрому граниту арки, – как я и предполагал, за ним не следят... – он вспомнил Ставело:

– Надо было вылезти из окопа, с гранатами, и побежать навстречу немецким танкам. Я не раздумывал, за спиной оставались мои солдаты, армия моей страны. Моей страны, объявившей меня шпионом... – Меир отбросил окурки:

– Нечего думать, нечего обижаться. Потом мы все расставим по местам. Героев мы назовем героями, а предателей, предателями. Пока делай что должно, и будь, что будет... – кузен носил штатское пальто, портфеля у него Меир не заметил.

Генерал потянул на себя тяжелую дверь. Подождав, пока Мэтью скроется внутри, Меир быстро пошел к белокаменным ступеням.

Кофе в библиотеке подавали скверный, сделанный из порошка, сдобренный сухим молоком и сахаром.

Мисс Ривка, позевывая, просматривала New York Times. Ее подруга, секретарша из зубоврачебной практики, должна была появиться в четверть шестого. Девушки ехали на Манхэттен, на вечернее чтение Свитка Эстер, в роскошное, в мавританском стиле, здание Центральной Синагоги, на Лексингтон-авеню.

Мисс Гольдблат не собиралась провести жизнь в трех комнатках, рядом с пуэрториканской лавкой. Студенткой, она тоже бегала в богатые синагоги на Манхэттене:

– Но тогда все мужчины служили в армии, – она подперла щеку рукой, – в городе оставались одни женатые, и старики... – мисс Ривка посещала манхэттенские синагоги, надеясь на встречу с обеспеченным человеком, юристом, или банкиром:

Она, аккуратно, разгладила на коленях свое лучшее платье, тонкого кашемира:

– Мне двадцать пять лет, пора ставить хupu... – мисс Гольдблат не хотела становиться женой бухгалтера из Бруклина. Девушка не видела смысла в обмене трех тесных комнаток, на другие три, тоже тесные:

– И вообще, на работе мне никто не нравится. С ними не о чем поговорить, в газетах они читают только спортивные страницы... – она решила спросить мнения Рут о мистере Фельдблюме:

– Я за него замуж не выйду, он беженец, без гроша в кармане, да еще и вдовец, но глаза у него красивые... – глаза были большие, серо-синие, в длинных ресницах. В конторе Фельдблум вел себя тихо, и не упоминал о войне:

– Ему нечего рассказывать, – хмыкнула Ривка, – наверняка, он прятался с женой, где-нибудь в подвале, в Польше. Он не сражался с немцами, он не герой, как наши ребята, в армии, или еврейские партизаны... – беженцы из Европы, заполнившие Бруклин, словоохотливостью не отличались.

В конторской столовой мистер Фельдблум тихо жевал домашний ланч, из бумажного пакета. Нацедив стакан кипятка, хасид размешивал кофе, из упаковки с кошерной печатью, и возвращался на рабочее место:

– Рут он по душе не придется, – решила Ривка, – она любит высоких мужчин. Фельдблум меня ниже, и вообще, он хлипкий. Но улыбка у него приятная... – девушка поправила брошку с жемчугом, на воротнике платья.

Она успела забежать домой и переодеться. Мать пыталась усадить ее за праздничный обед. Ривка не собиралась наедаться куриным супом с пельменями, и цимесом, из морковки. Девушка закатила глаза:

– Мама, в синагоге подадут закуски, сладости, уши Амана... – мать сунула в ее сумочку сверток:

– Все равно. В подземке пожуешь, ты на весь вечер уезжаешь... – Ривка насадила на черные кудри зимнюю шляпку:

– Надеюсь, там не курица, как в мои студенческие годы... – за время обучения сумка девушки пропахла домашней едой. Мать не признавала дешевых столовых:

Миссис Гольдблат снабжала дочь даже супом, в стальном термосе:

– В забегах ты только желудок себе испортишь. Сядешь, и поешь, как человек... – порывшись в сумочке, Ривка, от скуки, сгрызла печенье.

В газете писали, что президент Трумэн, на следующей неделе, выступит перед Конгрессом:

– Америка должна противостоять экспансии коммунистов на Балканах... – в Греции пока шла гражданская война. Ривка пролистывала такие статьи. Мужчин больше нравились девушки, разговаривающие об искусстве, или литературе. Она просмотрела список книжных новинок:

– Можно что-нибудь взять почитать, прямо сейчас... – путь на Манхэттен и с Манхэттена был долгим. Подруга Ривки готовилась поступить в сестринский колледж. Она, наверняка, приехала бы с учебником:

– Рут в подземке уткнет нос в книжку. Она всегда с докторами кокетничает... – обе девушки хотели получить кольцо на палец, и осесть в уютном доме, на Лонг-Айленде, после хупы и банкета в кошерном отеле:

– Женщина все равно никогда не станет партнером, в бухгалтерской практике, не получит звание судьи, или университетского профессора... – Ривка встречала статьи о женщинах с докторатами. Судя по фото, все они, как на подбор, отличались редкостной невзрачностью:

– Во время войны женщины работали, заменяли мужей, но сейчас пора возвращаться к домашним очагам... – свернув газету, она вытащила из сумочки читательский билет. Ривка решила взять «Жемчужину» мистера Стейнбека:

– Хотя он очень грустно пишет. Вспомнить, хотя бы, «Консервный ряд», или «Гроздь гнева». Но Стейнбек, серьезная литература, а не детективы или дамские романы... – старшая миссис Гольдблат покупала дешевые книжки, в бумажных обложках. Томики продавали за несколько центов, в газетных ларьках. Ривка такие повести тоже читала, но только дома:

– Надо производить хорошее впечатление на мужчин. Пусть я живу в Бруклине, но у меня есть диплом, и я даже, немного, говорю по-французски... – на идиш в семье Гольдблат объяснялись только бабушка и дедушка, в прошлом веке приехавшие в Нью-Йорк из черты оседлости:

– Мама и папа родились в Америке, – девушка вздернула голову, – мы не какие-нибудь хасиды, мы американцы... – подхватив сумочку, накинув пальто с канадской норкой, она замерла.

Сквозь высокие двери Ривка заметила мистера Фельдблюма:

– Должно быть, он хочет зайти в библиотеку и не знает, как. У ступеней турникет, он никогда не видел такой конструкции... – Ривка оглядела столики кафе:

– Сюда он не пойдет, здесь не кошерное заведение. Наверное, он собирает детские книжки дочке взять, чтобы она английский язык учила... – краем глаза Ривка увидела смутно знакомое лицо.

Дама в бордовом, зимнем жакете и каракулевой шапочке стояла у щита, с афишами о публичных лекциях:

– Десятое марта, понедельник. Доктор Бейкер, куратор египетского отдела в Бруклинском Музее. Искусство древнего Египта, с демонстрацией слайдов. Шесть часов вечера, вход свободный, по читательскому билету... – рядом с дамой, тоже изучая плакаты, обосновался хорошо одетый, светловолосый мужчина. Шляпу он снял, на щеке виднелся старый, тонкий шрам:

– Но его не портит ранение... – Ривка полюбовалась отличной осанкой незнакомца, – наверное, на войне он служил офицером... – она, наконец, узнала даму, но знакомство было шапочным:

– В любом случае, сейчас Рут подойдет, и Фельдблюму, бедняге, надо помочь... – хасид, растерянно, переминался у турникета. Ривка простучала каблукками по каменным ступеням:

– Мистер Фельдблюм, добрый вечер, – любезно сказала девушка, – не бойтесь, поверните рычаг. Вы в подземке ездили, здесь похожая система... – кузен передал даме конверт. Женщина ловко спрятала его в карман жакета:

– Надо уходить, сейчас Мэтью повернется... – напомнил себе Меир. От мисс Гольдблат пахло сладкими духами:

– Вы, наверное, книжки для дочки хотели выбрать... – добродушно поинтересовалась она:

– У вас есть читательский билет? Как ваш зуб, не болит больше... – мистер Фельдблюм словно очнулся:

– Нет, нет, я просто так зашел, из интереса. Зуб не болит, спасибо... – он нахмурился:

– Я где-то видел эту даму... – хасид говорил с певучим, идишским акцентом, – кажется, она работает в нашей конторе... – Ривка поджала губы:

– Вы ошиблись. Это миссис Этель Розенберг, она тоже секретарь, в транспортной компании. Ее муж, Юлиус, инженер... – Ривка помнила миссис Розенберг с большой ханукальной вечеринки, в прошлом году:

– Владелец ее компании и наш босс, кузены, – объяснила она мистеру Фельдблюму, – они устроили совместный праздник, для персонала. Мы пошли в кегельбан... – почти не слушая ее, хасид пробормотал:

– Да, да. Веселого Пурима. Простите, мне надо успеть в синагогу... – Фельдблюм выскочил на Гранд Арми Плаза. Ривка пожала плечами:

– Он зашуганный какой-то, всего боится. Впрочем, понятно, почему, с его прошлым... – двери распахнулись. Она, недовольно, заметила подруге:

– Опять опаздываешь. Бежим, иначе мы не втиснемся в поезд, рабочий день заканчивается... – из Бруклина люди ехали в еще более бедные кварталы, в Бронкс:

– И когда только прямую линию проложат, в объезд Манхэттена... – развернув зонтики, девушки заторопились ко входу в подземку.

Башню бруклинского почтамта, на Кадман Плаза, заливало яркое, весеннее солнце.

Погода изменилась за одну ночь. Город проснулся под чистым, словно вымытым небом. Сильный, восточный ветер, с океана, гнал над островами рваные, белые облака. Ист-Ривер и Гудзон топорщились волнами, желтый паром, со Стэйтен-Айленд, немилосердно качало.

Клерки, едущие в Нижний Манхэттен, высыпали на палубу, залитую солеными брызгами. Чайки кружились над крышей парома, хлопали крыльями, выпрашивая подачки. Вдалеке, у факела Статуи Свободы, медленно парил большой, красивый сокол-сапсан:

– Они раньше гнездились на крыше собора Святого Патрика, – заметил кто-то из клерков, – а сейчас сокола в Нью-Йорке и не увидишь. Должно быть, он с гор залетел, с запада... – взмыв в небо, птица рванулась на восток, к Бруклину.

На Кадман-плаза текли веселые, талые ручейки. Воробьи прыгали у тележек продавцов хот-догов, дрались за крошки, щебетали, высокими голосами.

Хорошо одетый, невысокий мужчина, с каштановой бородой, при пенсне, в золотой оправе, зазвенел центами:

– Хот-дог от Hebrew National, пожалуйста, и чашку черного кофе... – продавец, на зиму перебивавшийся из Центрального Парка ближе к дому, в Бруклин, проводил глазами клиента:

– Лицо знакомое, где-то я его видел. Кого я только не видел, за тридцать лет, у лотка... – торговец решил, что мужчина, по виду, преуспевающий делец, хочет тряхнуть молодостью:

– Должно быть, он студентом сосиски покупал... – монетки упали в кассу, – везет некоторым, а я на пятом десятке режу булочки, и развожу кофейный порошок. Даже в Пурим работаю. Впрочем, и он, видно, по делам собрался... – у покупателя при себе имелся дорогой, хорошей выделки саквояж.

Меир нашел свободную скамейку, в маленьком сквере, рядом с почтамтом. Вытянув ноги, кусая сосиску, с острой, желтой горчицей, он блаженно жмурился.

Утром мистер Фельдблюм отвел дочь в резиденцию ребе. После чтения Свитка Эстер, детям предстоял праздничный обед. Позвонив в контору, сославшись на ноющий зуб, Фельдблюм предупредил, что сегодня, придет немного позже. Утреннее солнце оказалось теплым, Меир бросил воробьям кусок булки:

Доев сосиску, вытерев руки носовым платком, он закурил:

– Ева каждый день птиц кормит. В палисадник даже сокол заглядывает, хотя они в Нью-Йорке редкие гости... – Меир думал о птицах, не желая вспоминать о собственном фото, в архивах службы безопасности рейха. В ушах жужжал недовольный голос кузины Марты:

– Я могу отличить парки в Амстердаме от Центрального Парка. Тебя снимали в Нью-Йорке, на обороте написали твой довоенный псевдоним. Мистер О’Малли, журналист... – Марта, требовательно, посмотрела на него:

– Получив фото от Паука, НКВД передало снимок немцам. До войны Берлин и Москва вовсю обменивались информацией... – Меир отчаянно убеждал себя, что Мэтью всего лишь встречался с подружкой:

– Но мисс Гольдблат сказала, что миссис Розенберг замужем... – Меир, разумеется, не мог поехать в нью-йоркское отделение ФБР и затребовать проверку Розенбергов. Кроме телефонной книги Бруклина, других источников информации у него не оставалось. Розенберги занимали двенадцать страниц, имя в издании обозначали инициалом. На мистера Юлиуса Меир вышел на четвертом звонке. Он сделал вид, что торгует страховками. Видимо, по случаю праздника, хозяин телефона, пребывал в благодушном настроении. Меир узнал, что Розенберги живут в собственном домике, и, как большинство горожан, машины не имеют:

– Юлиус инженер, она секретарша, у них сын, четырех лет... – на первый взгляд Розенберги выглядели обыкновенными бруклинскими обывателями. Меир вспомнил немного побитые сединой, темные волосы женщины:

– По виду, она моя ровесница. Мэтью никогда не стал бы с ней встречаться... – Этель одевалась в практичные, скромные вещи, носила крепко зашнурованные, зимние ботинки, – да и где они могли познакомиться, секретарша и личный помощник министра обороны... – Меир, искусно, расспросил мистера Юлиуса о его занятиях в годы войны:

– Он работал на армию, по контракту, а больше он мне ничего не сказал... – Меир дымил сигаретой, – если Юлиус трудился на правительство, Мэтью и его жена могли затеять интрижку. В конверте могла лежать любовная записка... – Меир помотал головой:

– Нет, не верю. Мэтью не рискнул бы связью с замужней женщиной, будь она хоть сама мисс Ингрид Бергман. То есть миссис. Мэтью человек расчетливый и осторожный, всегда таким был... – Меир выкинул окурочек в урну:

– Я могу позвонить Дикому Биллу... – он прочел в газетах, что Донован вернулся к управлению юридической фирмой, – из телефона-автомата. Никто меня не отследит. С Даллесом, с Вашингтоном, меня вряд ли соединят, да такое и опасно. Анонимный звонок, ничего страшного. Но что я скажу? Пустите слежку за бруклинским инженером и секретаршей транспортной конторы... – выбросив бумажную салфетку, Меир пошел ко входу в почтамт.

Абонентские ящики помещались в боковом закутке, куда вход был открыт круглые сутки. Поставив на пол саквояж, со старым пальто и шляпой мистера Фельдблюма, с его потертым костюмом, Меир достал ключ. Пошарив внутри ящика, он вытащил конверт, пересланный из Швейцарии, со эмблемой Coutts and Co, его банкиров:

– Трачу я мало, вернее, совсем ничего не трачу... – хмыкнул Меир, – денег, с которыми я в Индию приехал, мне до сих пор хватает. И у меня теперь есть зарплата... – приподнявшись на цыпочки, для очистки совести, он заглянул в ящик.

Маленький, легкомысленный конвертик, с аргентинскими марками, с печатью почты Буэнос-Айреса завалился в угол. Она писала на тонкой, лиловой бумаге, мелким почерком, на французском языке. На Меира повеяло ароматом жасмина:

– Дорогой друг, в Буэнос-Айресе начинается осень. На улицах жарят каштаны, в Театре Колон открылся оперный сезон, на мостовых лежат золотые листья... – он дошел до обратного адреса. Сеньора Марта Шольц просила отвечать ей на абонентский ящик, на почтамте Буэнос-Айреса. Свернув письмо, Меир, бережно, сунул его в записную книжку:

– Она помнит условный знак, она вызовет меня, в случае нужды... – полковник улыбнулся, – она тоже в эту игру играла, девочкой, когда здесь училась. Red Rover, Red Rover, sent Meir right over... – наклонившись за саквояжем, он поморщился:

– Red Rover, красный корсар... – Меир вспомнил голос сестры:

– Эстер о чем-то таком говорила. В тридцать втором году, когда я в Гарвард отправлялся. Она приехала на каникулы, из Балтимора... – пахнуло мятной жвачкой, сестра ловко выдула пузырь:

– Ее зовут Этель, как маму. Она тебе понравится, милая девочка, твоя ровесница. Она ходит в молодежную коммунистическую лигу... – оторвавшись от Талмуда, Аарон усмехнулся:

– Ты что там делала, за мальчиками охотилась... – Эстер вскинула светловолосую голову:

– Я выступала с докладом о женщинах, медиках, – отчеканила сестра, – не забывай, я почти закончила Университет Джона Хопкинса. В Балтиморе достаточно юношей, мне нет нужды ездить за ними в Бруклин. Этель Грингласс... – добавила сестра, – у меня есть телефон, позвони ей... – Меир не мог разогнуться:

– Я фыркнул, что не нуждаюсь в сватях, и вообще, в Бостоне тоже хватает девушек. Молодежная Коммунистическая Лига... – он подхватил саквояж, негнущимися пальцами:

– Юлиус говорил, что девичья фамилия его жены, именно Грингласс. Она родилась в пятнадцатом году. Все это может ничего не значить... – отыскав в кармане два цента, Меир пошел к будке городского телефона.

Желтый, ободранный паром пыхтел, торопясь к пристани, на Нижнем Манхэттене.

С шестнадцатого этажа небоскреба, на Бликер-стрит, отлично была видна пустая палуба кораблика. Взгромоздив ноги на стол, Донован тянул хорошо сваренный, горький кофе, из серебряной чашки:

– Обеденное время, Аллен, клерки отправились на ланч... – он взглянул на часы, – учитывая неожиданно теплую погоду, и будущие выходные, я удивлен, что в нью-йоркском отделении Бюро, вообще кто-то остался в конторе. Но хорошо, что остался, иначе письмо пролежало бы в лотке для входящей корреспонденции до понедельника... – устроившись в кресле напротив огромного, дубового стола Дикого Билла, Даллес пристально изучал простой конверт, с отстуканным на машинке адресом.

Марка и штемпель на нем имелись местные. Корреспонденцию, вчера, отправили с бруклинского почтамта, на Кадман-плаза:

– Почта работает отменно, – одобрительно сказал Донован, – не прошло и суток, как ребята из Бюро получили весточку от патриота Америки... – отправитель подписался именно так.

За спиной Даллеса виднелся соседний небоскреб и чисто вымытые окна соседей Donovan по Бликер-стрит, адвокатской конторы «Салливан и Кромвель». Даллес обернулся:

– В декабре сорок первого года именно с их офиса... – он махнул в сторону юристов, – все и начиналось, Билл... – откинувшись на спинку покойного, обитого темной кожей кресла, Донован обрезал сигару, изящной гильотинкой:

– Все начиналось в тридцать шестом году, в купе экспресса «Колумб», Аллен. Или еще раньше, в прошлом веке, когда младший сын героя Америки, генерала Горовица, трагически погиб, во время путешествия по Европе. Погиб, чтобы стать железным Горским. Или когда раввин Горовиц превратился в старейшину Элайджу Смита. Или вообще на Войне за Независимость, когда предок Ягненка искал и находил деньги, для нашей страны, а будущий вице-президент Вулф создавал американскую дипломатию... – Донован поскреб чисто выбритый подбородок.

Письмо пока видели ровно три человека. Вовремя оказавшись в нью-йоркском отделении Бюро, Даллес немедленно, по открытии конверта, забрал весточку себе. Письмо оказалось коротким, отстуканным на той же машинке, что и адрес. Едва прочитав послание, Даллес спустился в подвальное помещение лаборатории:

– Местным экспертам конверт я не отдал, – он тоже раскурил трубку, – я и сам могу справиться с исследованием. Никаких отпечатков пальцев на бумаге нет, ничем она не пах-

нет. Продается такая бумага, в любой лавке. Конверт стандартный, почтового ведомства, писал человек с дипломом, американец, ошибок он не допускает... – доброжелатель сообщал, что бывший полковник армии США, и кавалер Медали Почета, мистер Меир Горовиц может пользоваться аргентинским паспортом, выданным на имя сеньора Маркоса Герреры. О нынешнем местонахождении Ягненка автор письма не упоминал.

Единственной зацепкой оставался текст. Судя по экспертизе, письмо вышло из-под клавиш пишущей машинки IBM Executive. Новую, дорогую модель пустили в серийное производство только три года назад. Один из первых экземпляров подарили президенту Рузвельту. На IBM Executive печатали документы, сопровождавшие подписание капитуляции Германии, на ней же готовили устав ООН:

– IBM Executive пользуется военное ведомство. Такая машинка стоит в кабинете вдовы капеллана... – из данных, полученных после обыска квартиры, выходило, что доктор Дебора Горовиц тоже печатает на IBM. Донован хмыкнул:

– Хорошо, что ты не связался с Гувером. Он бы непременно захотел арестовать Утку, как вы ее называете, и выяснить обстоятельства появления на свет этого письма... – Даллес сунул конверт в потрепанный портфель. Зная Гувера, он не сомневался в его решении:

– Утка испугалась, она хочет выйти из игры... – загремел в его голове низкий голос главы ФБР, – она сдает с потрохами родственника и сообщника. Она попросит гарантий неприкосновенности, для себя и ребенка... – Даллес подумал, что миссис Горовиц может исчезнуть хоть сегодня:

– Согласно секретному распоряжению, через границу ее не пропустят, но у нее, как и у Ягненка, может быть не один паспорт... – в Нью-Йорке были тысячи отелей и пансионатов, десятки тысяч дешевых комнат сдавались внаем. Сеньор Геррера мог появиться в Америке откуда угодно:

– Даже если он здесь, мы его никогда не найдем. Неужели, Утка, действительно, работает на русских? Они понимают, что мы дышим Меиру в спину. Русские избавляются от него, потому что Утка, более ценный агент... – наружное наблюдение доложило, что на праздник женщина ездила в Бруклин:

Даллесу создавшееся положение очень не нравилось:

– И конверт отправили из Бруклина. Но если Мэтью чист? Если он, всего лишь, ухаживает за Уткой? Он приехал сюда, как мы и говорили, делать предложение. В Пасадене он солгал, но джентльмен не станет рассказывать всем и каждому о своей приватной жизни. Мэтью отлично воспитан, он знает, что такое честь женщины. Не женщины, а шпионки... – поправил себя Даллес, – она и Мэтью может водить за нос. Утка использует его, чтобы выбраться из Америки, воссоединиться с мужем... – Даллес посмотрел на пустынную палубу парома, идущего к Стэйтен-Айленд:

– В Нью-Йорке можно прятаться годами. Если сам капеллан приехал за женой, если он решил, согласно распоряжению Москвы, сдать нам брата? Дебора напечатала послание, а рав Горовиц сидит сейчас где-нибудь в Бруклине, притворяясь ортодоксальным евреем... – Даллес вздрогнул. Рука Донована коснулась его плеча:

– Выпей еще кофе, – посоветовал Дикий Билл, – а то ты бледный какой-то. Значит, вчера, ваш юноша, несмотря на все старания, потерял Яблочного Пирога... – Даллес скривил губы:

– Мальчик не виноват, такого никто бы не предугадал. Такси, то есть наша машина, ждала его на углу, рядом с книжной лавкой... – Яблочный Пирог покинул апартаменты Горовицей чуть позже четырех часов дня. Генерал, действительно, воспользовался черной лестницей. Начинался снегопад, но в рабочий день, улицы были относительно свободны:

– Он сел в третье по счету такси, – Донован поднял бровь, – твой парень отправился за ним, но на Бруклинском мосту его автомобиль охромел... – служебной машине ФБР пробило шину.

– Такое случается, – вздохнул Даллес, – парень выскочил на мост, поймал пустое такси, но потерял время... – Донован возился с итальянской машинкой для варки кофе:

– Вещь коммунистического производства, – весело сказал он, – сделана после войны. Пусть Гувер не забудет внести это в мое досье. Но все работает отлично, качество они держат... – запахло горьким, приятным ароматом молотых зерен:

– Ягненко пил такой кофе, – Донован прислонился к машинке, – он прошел от Сицилии до Флоренции... – Даллес отлично знал послужной список беглого полковника:

– В его аргентинский паспорт я верю, – хмуро сказал Даллес, – Ягненко свободно знает испанский язык, еще со времен... – он повертел рукой, – в общем, русские могли его завербовать в Мадриде. Капеллан мог столкнуться с русскими в Палестине. До войны страна кишела агентами Сталина. Вывоз евреев из Каунаса мог стать прикрытием, для встречи рава Горовица с руководителями, на Лубянке... – будто не слыша его, Донован, безмятежно, цедил кофе:

– То есть Яблочный Пирог вчера ездил в Бруклин... – он прошелся по натертым половицам кабинета, – и вернулся в квартиру до появления миссис капеллан. В квартиру, где стоит известная нам пишущая машинка... – Донован зорко посмотрел на Даллеса:

– Что генералу Горовицу делать в Бруклине? Он что, тоже синагогу посещал... – Даллес, нехотя, буркнул: «Вряд ли». Вернувшись за стол, Донован, меланхолично, насвистел первые такты американского гимна:

– Покойная мисс Фогель отлично его пела. Впрочем, Гувер считает, что и она была шпионкой русских. Куратором, которого старший брат подсунул младшему... – Донован взялся за стальную линейку:

– Письмо, которое генерал Горовиц отправлял в Нюрнберге, было просто письмом, не так ли? – помахав линейкой, Донован повысил голос, на французский манер:

– И в Мурманск он поехал, горя желанием выполнить союзный долг. Заметь, Аллен, знакомый нам мистер Джон имеет в родственниках русского разведчика, а его светлость никто не подозревает в работе на СССР. Но это просто Гувер до него пока не добрался... – подытожил Донован:

– В общем, я считаю... – трубка черного телефона дрогнула, Донован извинился:

– Клиент может быть на линии. Сам понимаешь, я деньги зарабатываю... – Дикий Билл ответил на звонок. Он внимательно слушал, что-то записывая:

– Спасибо, всего хорошего... – трубка опустилась обратно, Донован перебрал листок Даллесу:

– Доброжелатели растут, как на дрожжах. Еще один патриот Америки, читавший о моих подвигах в газетах, просит правительство обратить особое внимание, на некую чету Розенберг, имеющую связи с коммунистами. Во время войны мистер Розенберг работал на армию. Он инженер, выполнял секретные задания... – Даллес, аккуратно, переписал имена в блокнот:

– Бросим кость Гуверу, он обрадуется. Розенбергов до кишок перетрясут. Может быть, они связаны с Ягненком... – Даллес поднял голову:

– А кто звонил?

Донован удивился:

– Мне откуда знать. Патриот Америки, говорил с бруклинским акцентом. Может быть, сосед Розенбергов, может быть, сослуживец, а, может быть, ревнивый муж, имеющий зуб на мистера Розенберга... – Даллесу показалось, что в серых глазах Донована заметалась смешинка:

– Сварю тебе еще кофе, – радушно предложил Дикий Билл, – в Бюро такой машинки пока не поставили. Думаю, что и не скоро поставят... – мерно завывала электрическая мельница, Даллес вздохнул:

– Ладно, пока положим письмо под сукно. Утка под присмотром, мы займемся Розенбергами. Они могут вывести нас на Ягненка, если он в Америке... – Донован поставил перед ним раскрытую коробку с круассанами:

– В последнее время меня не тянет на яблочный пирог, Аллен. Угощайся, неподалеку я нашел отличную кондитерскую... – сжевав круассан, Даллес поднялся:

– Спасибо. Вернусь в Бюро, закажу досье на Розенбергов... – проводив его, Дикий Билл развернул кресло к окну. Покуривая сигару, он изучал панораму Бруклина, вглядываясь в красивый силуэт моста:

– Я помню, с воскресной школы. У иудеев тогда были свет и радость, веселье и почет... – Донован поймал себя на улыбке:

– И у тебя будет, мальчик. Обязательно. Ты молодец, Ягненок.

По верху самодельной открытки вились аккуратно выписанные, ивритские буквы:

– У иудеев тогда были свет и радость, веселье и почет... – поставив локти на стол, склонившись над бумагой, Аарон водил ручкой:

– Дорогая мамочка и дядя Меир, веселого Пурима... – мальчик протянул руку: «Давай». Подперев языком щеку, пыхтя, Ева вырезала из цветной бумаги маску. Повозив кистью с клеем, по оборотной стороне, она попросила:

– Можно я? Сейчас я прямо наклею, обещаю... – первая маска легла на картон немного криво. На расшатанном столе гостиней красовались разноцветные пакеты. Вокруг детей валялись шкурки от мандаринов и конфетная фольга. В маленьком окне, в призрачном, зеленоватом свете закатного неба, всходил слабый, еле видный диск луны.

На исходе Шабата, мама забрала Аарона из резиденции ребе:

– Завтра мы пойдем в Парк, – обещала мать, – потом в кошерную кондитерскую, а дома тебя ждут подарки... – один подарок ему вручили прямо здесь. У ребе Аарон на коробки и пакеты не рассчитывал. Хасиды дни рождения не отмечали. Услышав от матери, что они заедут к дяде Меиру, мальчик понял:

– За сюрпризом. На Пуриме Ева сказала, что они для меня подарок приготовили... – в передней маленького домика Аарона ждал шоколадный торт, и пакет, из хорошо известного мальчику магазина игрушек Шварца:

– Папа заказал доставку по телефону... – таинственным шепотом призналась Ева, – так хочется съездить на Манхэттен, но пока нельзя... – Аарон рассказывал кухне, и о небоскребах, и о Бруклинском мосте, и о музеях:

– Впрочем, мост и небоскребы Ева видела, только с этой стороны... – вторая маска ровно легла на картон:

– Еще блески надо приклеить, – потребовала девочка, – блески и конфетти, как в синагоге... – даже дома, Ева расхаживала в бумажной короне.

В гостиней было тепло, работал электрический обогреватель. Ринчен, сонно, развалился на продавленном кресле. В растаявшем снегу палисадника, в полутьме, виднелись перепархивающие над жухлой травой белые голуби:

Ева, щедро, посыпала открытку блесками:

– Голуби прилетают к Аарону, а ко мне заглядывает дедушка... – девочка, много раз, видела над крышей домика красивого сокола. Ева махала птице, с заднего крыльца, рассыпая крошки для воробьев и голубей:

– Весной, когда появятся цветы, меня навестит мамочка... – немного грустно подумала девочка, – я ей скажу, что не надо волноваться. Я всегда позабочусь о папе... – цветы в комнатах росли и сейчас. Ева устала горшками все подоконники. Она поливала фиалки и герань, касалась нежными пальчиками листьев роз:

– Можно поговорить с кустами, – смешливо хмыкнула девочка, – теми, что во дворе растут. Аарон и тетя Дебора удивятся. Но вдруг соседи увидят, что у нас в марте зеленеют листья... – отец водил Еву в бруклинский ботанический сад.

В тропическом павильоне девочка долго бродила по кромке маленького пруда, рассматривая белые и розовые лилии:

– Совсем как в Бомбее. Я обязательно вернусь в Индию, мама бы так хотела. И я помогла тете Деборе, теперь ей легче... – у резиденции ребе, садясь в машину, Аарон заметил на заднем сиденье семейную Тору, с потертой обложкой, черной кожи:

– Мама, наверное, хочет Еве книгу показать... – в томик мать заложила конверт. Аарон так и спросил. Заводя форд, мама отозвалась:

– Да, пусть Ева посмотрит. Она пока не была в нашей квартире, не видела фото, с президентом Линкольном... – мать, с Торой, и дядя Меир, заперлись на кухне.

Не удержавшись, Аарон открыл пакет:

– Поезд подземки... – ахнул мальчик, – именно такой, как я хотел... – состав работал от механического ключика. Ева, лукаво, улыбнулась:

– Я помню, что ты говорил. Мы с папой выбрали поезд по каталогу... – они поиграли в подземку, сделали открытку, а дверь на кухню так и не открывалась. Ева подула на картон:

– Давай попросим чаю, а то у меня за Пурим внутри все слиплось... – вспомнив, как Уильям, в Бомбее, опустошал банки, со сладким чатни, девочка хихикнула. Длинные ресницы опустились на серо-синие глаза:

– Уильям добрался домой, в Мон-Сен-Мартен, он в безопасности. Папа сказал, что тетя Марта и Максим теперь живут в Южной Америке... – Ева, настойчиво, повторила:

– Пусть нам сделают чаю, или горячего шоколада... – американский чай с индийским было не сравнить, но шоколадная паста была именно такой, как Ева себе и представляла. Аарон размахивал открыткой:

– Сейчас пойдем, клей еще не высох... – кухонные часы пробили восемь вечера.

Застучала ложечка в чашке, Дебора пробормотала:

– Спасибо за подарок, Меир. Мы приедем, в следующее воскресенье. Можно после классов сводить детей в Бруклинский музей... – она никак не могла начать разговор.

Дебора сама не знала, зачем она вложила конверт с немногими письмами Аарона и снимками СССР в семейную Тору:

– Мне так легче. Из-за Торы, мы с Аароном познакомились, в Хэнфорде... – она перевернулась, вспоминая руку Мэтью, у себя на груди:

– Он ко мне пришел, хотел, чтобы я... – Дебора закусил губу:

– Аарон его вышвырнул из моей комнаты, а теперь я сама... – она выпрямила спину:

– Но я все делаю ради мальчика, только ради него... – по дороге к домику Меира она слушала болтовню сына:

– Я не могу лишать маленького Аарона матери. Но нельзя скрывать от Меира, что его брат, может быть, жив... – об остальном Дебора решила не упоминать.

Мэтью, как и обещал, улетел в Калифорнию, в пятницу вечером. У Деборы в ушах звучал горячий шепот:

– Иди, иди, ко мне. Приласкай меня, милая, как мне нравится... – закрыв глаза, она почувствовала коленями знакомый, персидский ковер в спальне. Сильная рука привлекла ее к себе:

– Еще, еще. Ты приносишь мне удачу, милая. Я обещаю, скоро вы встретитесь с Аароном... – Мэтью летел на западное побережье вовсе не из Ла Гуардии. Взяв напрокат машину, он собирался к середине ночи оказаться в Вашингтоне. Безопасный телефон работал круглосуточно. Мэтью предполагал, что переданные в бруклинской публичной библиотеке данные, сейчас находятся в Москве:

Под его пальцами шуршали, переливались черные волосы Деборы:

– Понятно, что мне прикажут остаться в США до испытания тарелки. Но и после пробного запуска мне тоже нельзя исчезать. Моей стране важна техническая информация по проекту, все подробности эксперимента... – Мэтью раздражало, что кузина, создатель тарелки, пользуется гостеприимством СССР:

– Она сидит на всем готовом, как в Лос-Аламосе, но ничего не делает. Здесь, она, хотя бы работала. Упрямая тварь, я поговорю с ней, как положено. Фон Рабе добился от нее какой-то деятельности, и я добыюсь... – после исчезновения полковника Воронова у СССР пропал единственный рычаг давления на кузину:

– Нет, мне надо возвращаться домой... – Мэтью давно думал о Москве, как о доме, – надо курировать атомный проект, космический проект. Даже если тарелка вырвется в стратосферу, армия ничего не сообщит прессе. Это строго засекреченное мероприятие, тем более, что мы опять сажаем пассажиров в кабину... – Мэтью хотел, чтобы первыми на орбите оказались русские:

– Я найду своего сына... – он подался вперед, Дебора закашлялась, – мальчик должен расти в семье, с отцом. Дебора родит мне еще детей... – поднеся чашку к губам, Дебора едва справилась с головокружением:

– Детям нравится в Бруклинском музее... – на маленькой кухоньке было жарко, она часто задыхалась:

– Как тогда, в квартире. Мы натопили, плита работала, на улице распогодилось... – Меир пытался отвести глаза от скромного воротника ее кашемирового свитера, от длинной юбки, коричневой шотландки. Невестка постукивала длинными пальцами по колену:

– Мы тоже на кухне стояли, я завтрак приготовил... – он заставил себя не смотреть на высокую грудь, под свитером. В расстегнутом воротнике белой блузки виднелась тонкая, золотая цепочка:

– Любовь моя, цвет зеленый... – Меир сжал руку в кулак, под столом – оставь, оставь. Я тоскую по Тессе, едва прошло два месяца... – о звонке Доновану, он, разумеется, ничего не сказал:

– Я ему даже о Мэтью не сказал... – полковник скрыл вздох, – пусть Бюро делает свою работу. Если Мэтью связан с Розенбергами, на него, рано или поздно, выйдут... – Дебора покусывала темно-красные губы:

– Голова, словно в тумане. Меиру идет борода. Он стал похож на Аарона, только он ниже ростом... – чашка с кофе опустела. Дебора поднялась, чуть пошатываясь:

– Я... я вымою... – она почувствовала его сильные пальцы, на запястье:

– Не надо, ты гостя... – Меир тоже едва держался на ногах:

– С Тессой так случилось, в Бомбее. Я шел к ней, чтобы сказать правду, но все другим закончилось... – от смуглой шеи невестки, от распущенных под береткой волос веяло ветром прерии, степными травами, полынью и горечавкой. Дебора вздрогнула. Дверь заскрипела, раздался топот. Выскользнув из ее руки, чашка полетела на пол.

– Мазл тов, мамочка! – весело заорал маленький Аарон:

– Мы поиграли в поезд, сделали вам открытку, а теперь хотим чаю, или какао... – бумажная корона сползала на оттопыренные, нежные ушки Евы:

– У нас все внутри слиплось, от сладостей... – девочка проскакала к столу:

– Аарон, к чаю торт остался. Папа, тетя Дебора, вы почему торт не ели... – они носились по кухне, болтали, проснувшийся Ринчен шумно лакал воду.

Убрав осколки чашки, Дебора и Меир восхищались открыткой. Дети утащили в гостиную поднос с чайником, тортом, ушами Амана, и банкой шоколадной пасты:

– Пасту я ем с ушами, – деловито объяснила Ева, – печенье надо макать прямо в банку, тетя Дебора. Это очень вкусно... – заварив свежего кофе, приоткрыв форточку, Меир попросил разрешения закурить:

– Да, да, конечно... – покосившись на закрытую дверь гостиной, Дебора помяла в пальцах сигарету, – вот сейчас, хватит тянуть... – щелкнула застежка сумочки. Откашлявшись, она вдохнула горький дым:

– Меир... – он обернулся, Дебора взглянула в серо-синие глаза, – Меир, ты должен знать. Аарон жив. Он в Москве.

Часть десятая

Литва, март 1947

Весенний лес просыпался.

Над верхушками елей, мерцали последние, слабые звезды. Вдали, на востоке, разгоралась брусничная полоска рассвета. В полутьме виднелись обледеневшие сугробы, в чаще кустов шуршали, били крыльями птицы, в искусно спрятанных гнездах. Мокрый снег, смешанный с грязью, хлюпал под ногами. Остро пахло звериным пометом, древесной корой.

Поросшая влажным мхом, старая гать, вела в самую чащу. Бревна пересекали быстрый, с темной водой ручеек. Над течением поднимался легкий пар, у песчаного дна крутились небольшие рыбки.

Гать отходила от узкой тропинки, петляющей среди заснеженных, пустынных болот, окружавших лесное озеро. Тропинка вилась по берегу, минуя деревянные бараки лесопилки, с поникшим, мокрым лозунгом. Красный кумач испачкали белесые разводы, но буквы еще читались: «Труженики Белорусской ССР приветствуют двадцать девятую годовщину Великой Октябрьской революции».

За лесопилкой тропинка вливалась в разбитую тракторами, разъезженную, грунтовую дорогу. Дорога шла к нечиненому, с военных времен, шоссе, с изрытым осколками асфальтом.

После войны лесопилку пытались использовать, хотя здешние леса усеивали мины и снаряды. Первым послевоенным летом местный колхоз, восстановленный в сорок четвертом году, при освобождении Белоруссии, работников в бараки не посылал, но в мае сорок шестого сюда пригнали трактора и пару десятков военных вдов, покрепче. Мужчин в колхозе почти не осталось. Женщины, за трудодни, должны были валить и вывозить здешние сосны.

Леса на границе Литвы и Белоруссии еще в царские времена считались отменными. Сосновые бревна отсюда гнали возами, к Западной Двине, отправляя плоты вниз по реке, к Балтийскому морю.

Когда несколько женщин подорвались на минах, из района пришло распоряжение лесопилку закрыть. Техника ушла в колхоз, находящийся южнее. Из барakov вывезли колхозное имущество, оставив только бросовую посуду и трофейные, истертые одеяла. На кумачовый лозунг махнули рукой. От лесопилки до шоссе лежало почти десять километров заброшенной тропинки, никто сюда не заглядывал. Никто не видел дымок, над крышами барakov, не слышал глухих, отдаленных выстрелов, звучавших среди леса.

Разбитые, крестьянские сапоги уверенно остановились на бревне, над ручьем. Из кармана толстого ватника торчала немного пожелтевшая газета:

– Восьмое марта 1947 года. СССР отмечает праздник советской женщины, труженицы и матери... – стальная фляга опустилась в ручей, забулькала вода. Сверху чиркнули спичкой, хмурый голос заметил:

– Только надо вскипятить, хватит нам летней дизентерии... – Волк отозвался:

– Разумеется, Федор Петрович. На Волхове я ребят всегда с кипячением гонял. Тамошние леса тоже трупами были набиты под завязку... – завернув пробку фляги, он прикурил от «Беломора» тестя.

Рыжая, в седине, борода, уходила под старый треух. Бывший светский баловень больше напоминал разбойника, из детских книжек. Втянув горький дым, Волк провел рукой по белокурой щетине:

– Я единственный бреюсь. Режусь, но бреюсь. Но что делать, если, кроме меня, ходу в города больше никому нет. И где партизаны? Якобы ими все леса кишат, а мы пока никого

не встретили. Хотя мы сюда шли через Белоруссию, а в тамошних местах их нет. МГБ рапортует, что все бандиты уничтожены... – рапорты МГБ, в газетах, Волк не в грош ни ставил.

Москву они покинули ноябрем сорок пятого года, на попутном грузовике, пойманном Волком за окружной дорогой. На вокзалах показываться было нельзя:

– Сейчас псы прочешут даже электрички, – угрюмо сказал Волк, – за неделю прошло два нападения на тюремные машины. И в тайники мои заглядывать опасно... – он увозил из Москвы только золото, на текущие расходы, как говорил Максим, небольшой мешочек с ювелирным барахлом, спрятанный в Марьиной Роще. Карту тайников, он, впрочем, помнил наизусть. Оказавшись под Можайском, в относительной безопасности, Волк внес в блокнот чертеж:

– Хотя это ни к чему, – заметил он родне, – я в Россию больше не вернусь, и вряд ли кто-то вернется... – заметив знакомое, упрямое выражение в лазоревых глазах товарища комбрига, Волк оборвал себя. Степана в города, тем более, не пускали:

– Тебя узнают и с бородой, – отрубил Волк, – до войны твои портреты в каждой газете печатали, сталинский сокол. Федор Петрович правильно говорит, ты единственный, кто умеет водить самолеты... – до самолетов от сырых белорусских болот было так же далеко, как до Луны.

– Впрочем, если судить по карте, то мы пять километров, как в Литве... – вскинув голову, Волк следил за тонким серпиком, закатывающимся за ели:

– Хорошо, что я в Витебске нашел очередного пса алчущего... – Волк ходил в города воровать на базарах. В Витебске, в рыночной пивной, он заметил группу солдат, в авиационной форме:

– Товарищ комбриг говорил, что здесь есть аэродром. У них может быть военная карта, что нам пригодится... – карты, продающиеся в газетных ларьках, шли, как выражался Волк, только на подтирку. Рассматривая купленные Волком издания, доктор Судakov только виртуозно матерился, по-русски:

– С тем же успехом можно пользоваться картами времен крестоносцев, – сочно замечал Авраам, – кажется, официальные карты именно с тех времен до нас и дошли... – на картах не отмечали ни военных баз, ни заброшенных деревень, ни сторожек лесников, а именно эти места им и были нужны.

Волк не хотел долго болтаться в Витебске, но нельзя было упускать возможность раздобыть настоящую карту. Отираясь в пивной, он ждал кого-то из авиационных офицеров. Вернувшись в лес, с перевязанными бечевкой листьями, Волк, смешливо, сказал:

– Товарищ интендант очень любит мешать пиво с водкой. Деньги он тоже любит. Но теперь, мы, хотя бы, не идем, как слепые котята... – потребовались весна, лето и осень, чтобы, наконец, они добрались до Белоруссии.

Максим отбросил окурок:

– Все позади, то есть почти позади. Мы найдем местных ребят, они проведут нас на хутор пана Юозаса... – хутор лежал в глухих местах, восточнее Каунаса, между городками Йонавой и Укмерге. Волк надеялся, что довоенный знакомец жив:

– Или найдется кто-то из приятелей Авраама. Хотя от здешних евреев никого не осталось, нацисты всех уничтожили... – пока тесть ждал его на лесопилке, Волк ходил в Поставы, на базар.

Авраам и товарищ комбриг сидели в лагере, как называл Волк, старую, прошлого века, сторожку лесника, в самой чаще леса, куда вела тоже дореволюционная гать:

– Товарищ комбриг не говорит о таком, но Констанца еще здесь. Марта и покойный Генрих спасли ее в Пенемюнде, но вот как получилось... – Федор Петрович утешал Степана, уверяя его, что СССР не поднимет руку на Констанцу:

– Они надеются, что твоя жена согласится на них работать, – заметил тесть, – ты меня извини, но ее инициатива вышла, что называется, боком... – Степан пошевелил дрова в костре:

– Она чувствовала себя виноватой, из-за бомбы. Она хотела меня спасти... – Федор отозвался:

– Теперь получается, что моя жена и сын неизвестно где. Впрочем, если бы Констанцу переправили в Британию, дела бы это не изменило... – Федор никому, даже Волку, не упоминал о своих намерениях:

Покурив, они зашлепали дальше, по гати:

– Я поеду в Америку, и добьюсь, чтобы Даллес с Донованом выпустили Анну на свободу. Понятно, что дальше острова ей ездить не позволят, и так до конца дней наших. Петьке скоро два года исполнится, он всю бегает, разговаривает... – Федор отгонял острую тоску, давно поселившуюся в сердце:

– И Марта с Уильямом неизвестно где, МГБ могло их расстрелять. Волк в Москве так и не добрался до матушки Матроны. Икона наша там осталась. Хотя пусть лучше образ у матушки будет, чем у Воронова... – он искоса взглянул на зятя:

– Что в Поставах слышно... – за спиной Волка, в брезентовом вещевом мешке, болтался хороший кус замороженного сала, связки сухой рыбы, мука и несколько бутылок самогона. Хлеб они ели редко, Авраам пек на камнях костра лепешки, на бедуинский манер:

– В Поставах отмечали восьмое марта, – угрюмо ответил Волк, – товарищ Сталин поздравляет советских женщин с праздником... – он стиснул застывшую руку в кулак:

– Марте двадцать три года исполнилось, если она жива. Господи, она совсем девчонка, а у нее Уильям на руках, и Теодор-Генрих пропал. Но нельзя терять надежды, Господь нам так не заповедовал... – в Поставах Максим хотел найти работающую церковь, и помолиться за здоровье жены и детей.

Он надеялся, что в городке, до войны принадлежавшем Литве, найдется открытый костел или православный храм. Свято-Николаевскую церковь, с голубыми куполами, наглухо заколотили. Костел святого Антония, красного кирпича, стоял заброшенным:

– Синагогу немцы сожгли, а евреев во рвах расстреляли, за городом... – на базаре Волку сказали, что прошлым летом рвы засыпали землей:

– На этом месте мебельную фабрику возведут... – горько подумал Волк, – и никакой таблички не сделают, в память невинно убиенных... – он устроил вещевой мешок удобнее:

– Вообще на базаре шепчутся, что в лесах пошаливают. Здесь рядом и Литва, и Латвия. Но вряд ли партизаны появятся так близко к границе. Хотя никакой границы и нет... – Волк ходил в города с ворованным еще в Можайске паспортом:

– Прошлым летом документ истек. Я сильно рискую, но что же делать? Мы обязаны вырваться из совдепии, обязаны рассказать о Констанце. Я должен отыскать Марту... – на базарном щите, где вывешивали газеты и приказы директора рынка, Волк прочел ориентировку МГБ о собственном розыске:

– Суки, полтора года прошло, а они так и не успокоились. Но в приказе только я, уголовник. О моих политических, так сказать, соратниках, ничего не сообщают... – бревна разьежались под ногами, Волк заметил:

– Сейчас самая распутица. Зимой легче идти, но мороз мешает. В Панаме, наверное, не так трудно по джунглям бродить... – тесть усмехнулся:

– Меня с канала увезли годовалым ребенком. Но в джунглях, знаешь ли... – Федор, нелепо, взмахнул руками:

– Что за черт, – успел подумать Волк, – когда мы шли к лесопилке, ямы точно не было. Авраам и Степан ее отрыть не могли, зачем им? Значит... – он не носил оружия в города. Купленный на смоленской барахолке охотничий обрез, лежал за пазухой у тестя. Федор Петрович,

матерясь, поднимался из густой грязи, на дне ямы. Волк застыл, почувствовав за спиной дуло автомата.

– Руки в гору, – потребовал неизвестный голос, на русском, с заметным акцентом, языке:

– Женщина, – удивился Волк, – у них и женщины воют... – медленно вскинув руки, он увидел тени, за стволами елей:

– Не соврали на базаре. Действительно, вот и партизаны. То есть бандиты, как их называют в газетах... – тесть, оскальзываясь, выбрался наружу. Набывчившись, Федор поинтересовался у неизвестной, бледной девушки, в ушанке и обрезанной, без погон, шинели РККА:

– Если бы я ногу сломал, что бы вы сделали... – она окинула Федора неприязненным взглядом:

– Пристрелили бы. Впрочем, мы вас и так расстреляем... – шевельнув немецким автоматом, девушка велела:

– Вперед, и без фокусов. Нас тридцать человек, и никто не любит русских...

– Не сомневаюсь... – выматерившись себе под нос, Федор пристроился к зятю.

Степан, как обычно, поднялся задолго до рассвета.

В низкой сторожке было тепло. За день, возясь с кузеном по скромному хозяйству, они нагревали бревенчатый сруб своим дыханием. Здесь стояла черная печь, дымоход выпустили в единственное, подслеповатое окошко, под крепко срубленной крышей. Спали они на нарах, укрываясь ватником и обрезанным, крестьянским тулупом, с резким запахом овчины.

Сторожка провоняла гарью и потом:

– Но вшей у нас не завелось, спасибо морозу... – Степан поскреб свалывшиеся под трехухом, каштановые волосы, – хотя прошлым летом мы все чесались... – наголо бриться было нельзя. Тюремная прическа, как называл ее Волк, могла вызвать подозрения.

Спустив с нар босые ноги, в ватных штанах, Степан, искоса, взглянул на кузена. В сумрачной полутьме обычно хмурое лицо доктора Судакова разгладилось. Он спал, бросив голову на сгиб локтя, натянув на плечи тулуп. Степану даже показалось, что Авраам улыбается:

– Наверное, он об Израиле думает, о семье... – они избегали говорить о родных, но Степан знал, что дочке кузена исполнилось два года:

– Фрида рыжая, как я, как Циона... – улыбался Авраам, – не поверишь, когда малышка родилась, она вся помещалась на моей ладони. Глаза у нее голубенькие, как у Эстер. Ты приедешь в Израиль, поживешь у нас в кибуце, со всеми познакомишься. И Волк обязательно к нам заглянет... – Степан ничего не отвечал.

Каждый раз, видя закат, над лесом, он думал о жене:

– Констанца не побоялась приехать в СССР, понимая, что ее здесь ждет. Она хотела спасти меня, она всем ради меня пожертвовала. Она могла спокойно отправиться в Британию, жить в уединенном месте, писать книги, работать в лаборатории. Она могла получить Нобелевскую премию... – на даче МГБ, в неслышных разговорах с женой, Степан узнал, что она готовит третью монографию:

– Мне пришли в голову кое-какие идеи, – Констанца помедлила, – не касающиеся энергии расщепления атомов. Это теоретическая физика, связанная с элементарными частицами, с общей теорией поля... – она повела рукой, – но предстоит еще много работы... – Степан, одними губами, упомянул о премии. Глаза цвета жженого сахара заledenели:

– Отныне и впредь я не вправе принимать какие бы то ни было премии и призы, – отрезала Констанца, – научная этика такого не позволяет. Не только научная, а и просто человеческая этика... – Степан подумал:

– Она говорила, что на премию ученого номинируют его коллеги. Если ей дадут премию, она откажется, не объясняя причин... – он думал о премии, чтобы избавиться от привычной, горькой тоски:

– Констанца где-то в СССР, а я ее бросаю, бегу отсюда. Надеюсь, что Петя за границей, иначе я и с ним могу больше не увидаться... – Степан не сомневался, что, после его исчезновения, брата начнет искать МГБ:

– Родственники изменника Родины тоже подлежат расстрелу. Петя разведчик, он работает на благо советской страны, но и это не примут во внимание... – Степан убеждал себя, что все случившееся, только перегибы, на местах:

– До войны Ежов творил, что хотел, но потом восторжествовала законность, и невинно арестованных выпустили из лагерей. Рейд в Норвегию был несогласованной инициативой, и товарищ Котов... – Степан морщился, – понесет наказание, за самоуправство... – он знал настоящую фамилию Котова, но отказывался верить, что его брат расстреливал и вешал партизан, уничтожал евреев Европы и СССР.

В разговоре со Степаном, не выдержав, Федор Петрович сорвался на крик:

– Дурак! И я, и Волк тебе говорим одно и то же! Твой брат перебежчик, власовская мразь. Твой Петр на глазах Волка застрелил его товарища, по партизанскому отряду, он убил мою жену, в Лионе, он с эсэсовцами атаковал форт де Жу. Он, в конце концов, обрек свою жену на смерть в Аушвице... – Степан, упрямо, помотал головой:

– Я видел Петю, в Нойенгамме. Он мне все объяснил, он обещал помочь... – Федор Петрович выматерился:

– Ты четыре года на войне провел. Пора поумнеть, дорогой товарищ комбриг... – Петра они больше не обсуждали.

– Я помню его адрес, в Женеве... – присев на корточки, Степан возился с дровами, – когда мы окажемся за границей, я немедленно дам ему телеграмму, – об адресе брата он никому не говорил. Степан надеялся, что Пете удалось выручить Констанцу:

– Случаются чудеса... – подумал он, – может быть, она выбралась из СССР, и ждет меня в Британии. Ворон обрадуется, они с тридцать восьмого года не виделись... – жена снилась Степану почти каждую ночь. Мягкие волосы, цвета палых листьев, пахли гарью. Тускло светило кольцо, на пальце. Она приподнималась на локте:

– Пока мы вместе, смерти нет, милый. Помни, те, кто мертвы, живы, те, кто живы, мертвы... – теплое дыхание грело его ухо:

– Помни, милый, не забывай... – он не забывал, веря, что Констанца жива:

– Она жива, я ее найду и мы всегда останемся вместе... – по наколотым с вечера дровам забегали огоньки.

Дешевый чай и сахар приносил из городов Волк. Воду они кипятили в двух подобранных в лесу, алюминиевых котелках. Обе посуды Степану были хорошо знакомы:

– Один котелок из РККА, а второй немецкий. Мы похожими в Норвегии пользовались... – вчера они с Авраамом доели суп, из подстреленного глухаря. Кроме обреза, у них имелось старое, начала века, охотничье ружье, тоже купленное на толкучке. Патроны требовалось экономить. Степан ставил силки на дичь, как он привык делать в Норвегии:

– Летом помогала рыбалка, грибы, ягоды... – он потрогал пакет с мукой, – Волк с Федором Петровичем должны сегодня-завтра вернуться. Надо пойти, проверить капканы... – в лесах они соблюдали большую осторожность.

Как, хмуро, сказал Волк, любое ранение для них было смерти подобно:

– Едва мы появимся в больнице, как нас арестуют, прямо в приемном покое... – Авраам коротко усмехнулся:

– Не дотянет никто до больницы, Волк. Здесь все наштапиговано минами и неразорвавшимися снарядами. Это мгновенная смерть, на месте... – Федор Петрович буркнул:

– Хорошо, когда мгновенная. На фронте я видел людей, которым руки-ноги отрывало. Они еще мучились, жили, пусть и в забвенье... – поежившись, Степан плеснул в котелок воды из фляги. Кузен поднял заросшую рыжим волосом голову:

– Чай я сделаю, лепешки испеку. Ты там осторожней... – Степан взял приставленное к стене ружье:

– Нет здесь никаких партизан, поверь мне. Я вообще не думаю, что мы их встретим. Придется добираться к побережью своим ходом... – кузен напарил на нарах «Беломор». Почти беззубый рот растянулся в неожиданно веселой ухмылке:

– Прошлым годом мы исключительно на лимузинах разъезжали... – Степан отвел глаза от немногих остатков зубов, от искривленных пальцев, державших папиросу:

– Товарищ Котов его пытал, то есть Эйтингон. Он враг, его разоблачат и арестуют... – дверь сторожки скрипнула. На Степана повеяло свежим, морозным воздухом:

– Середина марта на дворе, а ночами еще минус десять. Зима холодной выдалась, но мы уже почти в Прибалтике. К апрелю окажемся на побережье... – Степан сразу сказал, что им не стоит приближаться в военным аэродромам:

– На всю компанию, у нас только тулка, обрез и финский нож, – кисло заметил он, – когда я на Халхин-Голе угонял японский истребитель, я был в форме и при оружии. Нас арестуют еще на подходе к авиационной базе... – оставалось побережье, где они надеялись найти рыбаков, переправляющих, за золото, в Швецию.

Степан помочился в волглый снег, на задах избушки:

– В Литве мы ходили на пляж. Надо же, это Волк в кафе «Ягайло» дебош устроил. Он тогда помог мне, как и в гостинице «Москва». Петя той порой покойного рава Горовица арестовал. То есть не Петя, это была ошибка. Петя бы никогда так не сделал... – застегивая штаны, держа одной рукой тулку, он замер.

Сугробы, за спиной, едва слышно трещали:

– Кто-то идет, – понял Степан, – но это ни Волк с Федором Петровичем, гать в другой стороне. У меня тулка при себе, но я не выстрелю в безоружного человека... – ружье отлетело в сторону, неизвестный бросился ему на спину.

Царапая лицо о наст, вырываясь, Степан перекатился на спину. Он поднял руки, глядя на заросшее светлой бородой, побитое морозом лицо. Парень, несколько раз, изумленно, моргнул. Он разжал хватку, Степан отряхнулся:

– Здравствуй, Янек, – сказал он, по-шведски, – ты вроде на каникулы в другое место собирался.

Литовский отряд пользовался похожими котелками. У ребят нашлись и немецкие, трофейные термосы, и сухой концентрат, для супа, и даже толика молотого кофе. Костер разожгли на снегу, рядом со стенами избушки. Янек, или, как уважительно, по-литовски звали его бойцы, пан Йонас, махнул рукой:

– Вы правильно лагерь выбрали, в здешние места никто не заглядывает. Но мы задерживаться не собираемся. Скоро свернемся, пойдем на запад... – карта у литовцев оказалась такая, как у Волка, советского, послевоенного издания:

– Мы взяли много карт при налете... – пояснила неприветливая девушка, пани Аудра, – осенью мы с другими соединениями атаковали оккупационную комендатуру, в Швянченисе... – Федор, невольно, пробормотал:

– Ростов помнил Свенцяны потому, что он в первый день вступления в это местечко сменил вахмистра и не мог справиться с перепившимися всеми людьми эскадрона, которые без его ведома увезли пять бочек... – пани Аудра, неожиданно весело, добавила: «Старого пива». Федор удивился: «Вы читали?». Светлые глаза девушки похолодели:

– Русские выгнали меня с пятого курса университета Витаутаса Великого, когда мой отец, из героя освобождения Литвы, превратился в бандита, приговоренного к расстрелу... – оторвавшись от карты, Волк поднял голову:

– Мне очень жаль, пани Аудра... – он вспомнил голос литовца:

– В Литве, дорогой Волк, ты всегда желанный гость... – Максим вздохнул:

– Очень жаль. Я знаю пана Юозаса по довоенным делам. Мы в сороковом году познакомились... – в год начала советской оккупации пани Аудра, закончив гимназию в Каунасе, поступила в университет:

– На историко-филологический факультет... – девушка разливала наваристый суп, в миски бойцов, – я, как и папа, с детства хорошо знала русский язык. Многие наши преподаватели русские университеты закончили, до вашей революции... – Аудра собиралась стать учительницей литовского языка:

– Немцы университет закрыли, правда, всего на год... – девушка пожала плечами, – мы занимались подпольно, на квартирах профессоров, и даже сдавали экзамены. Я еще партизанам помогала... – отряд пана Юозаса использовал под базу его родовой хутор:

– Там тоже глухие края... – Волк следил за движением карандаша, по карте, – отсюда пойдём на Швянченис, а дальше дорогая прямая... – кончик карандаша уперся в зеленое пространство:

– Здесь речка, Ширвинта. Хутор стоит неподалеку, он окружен болотами, к нему сложно незаметно подобраться... – пан Йонас вскинул голубые глаза:

– Я навещал лагерь вашего предка, на границе... – юноша улыбнулся, – на хуторе такая же местность. Небольшой холм, сосновый бор, но вокруг лежит равнина. Для обороны такое хорошо... – на хуторе устроили базу партизаны центральных районов Литвы. В особо оборудованном складе держали трофейное оружие, взрывчатку и ворованные, советские документы.

Волк, обжигаясь, тянул из кружки сытный суп:

– Эсэсовский паек, мясной концентрат. После войны два года миновало, а они, то есть мы, еще пользуемся немецкими запасами. Кофе, правда, они у МГБ воровали... – партизаны нападали на одиночные грузовики и военные, легковые машины:

– В некоторых местах они даже устраивают диверсии на железной дороге... – пан Йонас осекся, услышав сверху хмурый голос Степана:

– Родители хоть знают, что ты здесь, Янек... – юноша, слегка, покраснел:

– Ему двадцать пять лет исполнилось, – вспомнил Степан, – в сорок пятом году он перешел на последний курс университета. Он задержался с учебой, из-за эмиграции... – Степан старался не думать, что ребята, сидящие перед ним, убивают советских солдат и офицеров, расстреливают пленных, казнят литовцев, работающих, как они выражались, на оккупационные власти:

– Папин отряд не жалел коллаборационистов и при немцах, – заметила пани Аудра, – мы продолжаем его дело... – Степан кинул взгляд на кузена. Авраам, окруженный литовцами, чертил на снегу:

– Здешние ребята отсюда, с востока. Авраам показывает им тропы в Польшу... – вспомнил Степан, – на западной границе СССР тоже воюют партизаны. То есть в газетах такие отряды называют бандитскими... – Степан напомнил себе, что и он сам несколько лет просидел в лесах:

– Я был здесь, в сороковом году. Литовцы, как и вся Прибалтика, потеряли независимость. То есть они сами решили присоединиться к СССР. То есть на собраниях нам говорили о проведении референдума... – он решил пока не думать о таком.

Пыхнув русским «Беломором», Янек буркнул:

– Я сюда добрался летом сорок пятого года, и передал родителям весточку, с рыбаками. Потом я ушел в леса... – парень махнул рукой, – даже из городов письма за границу не отправить. На почтамте меня со Швецией тоже никто не соединит... – по упрямому выражению глаз юноши Степан понял, что возвращаться домой Янек не собирается:

– После ареста пана Юозаса я командую отрядом, – отрубил Янек, – у нас есть бойцы, седьмой год не покидающие лесов. Они видят свои семьи урывками, у них за это время дети

родились... – юноша покраснел еще сильнее, – но мы продолжим бороться, пока Литва не обретет свободу... – они услышали хмурый голос пани Аудры:

– Русские, как и немцы, отправляют в концлагеря семьи солдат Литвы... – девушка обвела рукой лужайку, с горящим костром, – из шестидесяти человек у доброй половины жены и дети сейчас в Сибири... – оказалась, что пани Аудра приезжала в Москву, в ноябре сорок пятого года:

– Я хотела узнать о судьбе папы... – девушка опустила на снег, рядом с Янеком, – хотя и так все было понятно. Его даже в Россию не отправили... – в приемной МГБ, на Кузнецком мосту, Аудре вручили справку. Согласно бумаге, ее отец получил двадцать пять лет лагерей строгого режима, за организацию вооруженного восстания против советской власти:

– Мне тоже четвертак ввалили, пани Аудра... – Авраам говорил с девушкой и бойцами отряда на польском языке, – если бы не пан Максим и пан Теодор, я бы рядом с вашим батюшкой сейчас лес рубил... – литовка, угрюмо, отозвалась:

– У нас в Девятом Форте сидит крот, пан Авраам. Папу никуда из Литвы не увозили. В сорок пятом году смертную казнь еще не отменили... – пана Юозаса расстреляли в Каунасе, осенью сорок пятого:

– И не могилу к нему не прийти... – Аудра помолчала, – тела сжигают в крематории форта, как немцы с евреями делали. Но по папе отслужили заупокойную мессу, пусть и тихую... – священники в немногих, разрешенных костелах Литвы находились под строгим надзором властей. Аудра объяснила, что месса была тайной:

– Как... – девушка, зардевшись, встряхнула головой:

– Как, например, крещения... – пани Аудра совсем смутившись, отвела взгляд:

– На бумаге, в мае этого года, смертную казнь отменили, – невесело сказал Волк, – но на деле, МГБ расстреливает людей, пани Аудра... – он погрыз почти потухший «Беломор»:

– Значит, с побережьем дела обстоят невесело... – пан Йонас кивнул:

– Русские чуть ли не железный занавес поставили. Людей в море только с конвоем пускают. Пограничники круглые сутки патрулируют территориальные воды... – Волк вскинул бровь:

– Ладно, доберемся до хутора пана Юозаса, да упокоит Иисус его душу в садах райских, и подумаем, вместе, что нам дальше делать... – из леса раздавались глухие хлопки выстрелов. У литовского отряда с боеприпасами дела обстояли лучше:

– Отдохнем здесь денек и двинемся на запад... – Волк услышал шепот юноши:

– Пан Максим, можно вас, на пару слов... – оставив кузенов и Аудру за кофе, они отошли на зады избышки:

– Я не хотел при господине Равенсоне о таком говорить... – юноша помялся, – неудобно, он знает моих родителей... – Волк хмыкнул:

– Я с твоим батюшкой тоже виделся, в сороковом году, перед оккупацией. Правда, недолго. Моя вечеринка стала последней, в вашем кафе... – Йонас засунул руки в карманы ватника:

– Там сейчас столовая второго разряда, Каунасского общепита... – презрительно сказал юноша, – после взрыва они сделали ремонт... – по словам Йонаса, в годы немецкой оккупации кафе работало:

– В нем эсэсовцы собирались, коллаборационисты... – юноша усмехнулся, – в общем, партизаны их на воздух отправили. Туда им и дорога... – он сглотнул:

– Пан Максим, мы с Аудрой повенчались, тем летом. Тайно, у надежного ксендза. У нас бумага есть, на литовском, на латыни... – парень полез за пазуху, Максим остановил его:

– Я не римская курия и не его святейшество, зачем мне твои документы? Вижу, что повенчались, по вам заметно... – добавил Волк. Йонас, внезапно, совсем по-детски, спросил:

– Вы правда встречались с его святейшеством? Мне господин Равенсон сказал... – Максим кивнул:

– Виделся. Он меня благословил помогать евреям, прятать их, снабжать новыми паспортами. Тем самым евреям, – неожиданно жестко добавил Максим, – которых вы, литовцы, в начале войны убивали. Да и не только в начале... – Йонас отвернулся:

– Пан Максим, у пана Юозаса покойного в отряде никогда такой низости не случилось, и у меня тоже... – Максим потрепал его по плечу:

– Я знаю. Разные литовцы бывают, как разные русские. Так что ты хотел... – юноша возился с зажигалкой, из стрельной гильзы. Закурив, он понизил голос:

– Мы ждем дитя, пан Максим, через три месяца. Аудра обязательно должна уехать с вами в Швецию... – он поднял умоляющие глаза, – пан Максим, пожалуйста... – забрав окуроч, Волк затаился:

– Если должна, то уедет, обещаю... – он прислушался к шуму:

– Вот что значит хорошее вооружение. Твои ребята, кажется, на лося напали... – Волк сощурился от неожиданно яркого, утреннего солнца:

– Мы ждали весну, и она пришла. Капель звенит. Все будет хорошо... – коротко улыбувшись, он пошел на поляну.

Сухо трещали клавиши массивной, черной пишущей машинки. Чахлые, красные гвоздики, в скромной вазе, роняли лепестки на открытку, с советским флагом:

– Дорогие товарищи женщины! Министерство Государственной Безопасности Литовской СССР от всей души поздравляет вас с праздником Восьмого Марта! Октябрьская революция раскрепостила труженицу... – дубовые половицы просторного кабинета поскрипывали, под начищенными сапогами.

В окно било весеннее солнце, над залатанными крышами Девятого Форта порхали голуби. Во дворе, вымощенном булыжником, прогревали моторы грузовиков, солдаты внутренних войск выстроились в шеренгу:

– Распогодилось... – Наум Исаакович Эйтингон пыхнул сигарой, – хоть бы дороги быстрее просохли. Все легче мерзавцев ловить. Распоясались, устраивают засады на шоссе, нападают на военные комендатуры... – данные о численности бандитов в стране имелись весьма скудные:

– Но понятно, что в деревнях им, как говорится, везде готов и стол и дом... – Эйтингон остановился у чисто вымытого окна, – и ксендзы их привечают. Те, конечно, кто здесь не сидит, кого мы к стенке не поставили и не выслали в Сибирь... – Эйтингону очень хотелось отправить в Сибирь или Казахстан всю Прибалтику:

– Надо было в сороковом году никого здесь не жалеть. Бандитское семя, они все смотрят волками, и щенки у них такие же... – подростков, связников у бандитов, судили без всякого снисхождения:

– Мы отменили смертную казнь, товарищи, – наставительно сказал Эйтингон, на первом совещании, после прибытия в Каунас, – в стране настало мирное время. Но юный возраст арестованных не снимает с них ответственности за поступки. На войне их ровесники сражались с фашистами, получали звания Героев... – Эйтингон полистал папку:

– Пятнадцать, шестнадцать лет. Ничего, через четверть века они выйдут на свободу, и даже относительно молодыми. Если они доживут, конечно... – Наум Исаакович припечатал картоном длинный стол:

– Уголовная ответственность наступает с двенадцати лет. Мне докладывают о случаях неприемлемой мягкотелости, на местах. В случае ареста обоих родителей, за бандитизм, и пособничество оному, малолетних детей, почему-то, отдают родне. Приказ по министерству

ясен, товарищи. Такие дети подлежат отправке в детские дома, в Сибири и Казахстане... – маленьким литовцам, латышам и эстонцам меняли имена и фамилии:

– Чтобы и следа от этих наций не сохранилось – зло подумал Эйтингон, – здесь никому нельзя доверять. Только евреям и белорусам, страдавшим под гнетом оккупации, а не мерзавцам, коллаборационистам, примазавшимся к немцам... – после победы, в Литве почти не осталось евреев:

– В Девятом Форте их расстреливали... – Эйтингон стряхнул пепел, – и жгли в местных печах. Расстреливали литовцы, а немцы, как везде в Прибалтике, даже пальцем не пошевелили. Им не требовалось, все делали местные сволочи... – огладив черные, с заметной проседью волосы, он велел:

– Продолжаем, товарищ Алехнович. Считаю необходимым поставить на первые полосы газет, выходящих на литовском языке, материалы о восстановлении народного хозяйства страны, о роли коммунистов и комсомольцев в этом ответственном деле... – на сером, строгом платье светловолосой девушки блестел комсомольский значок.

Эйтингон подозрительно относился к местным работникам. Почти весь персонал МГБ Литвы приехал из столицы Советского Союза, но невозможно было возить людей и для заполнения технических должностей:

– Она филолог, безукоризненно знает и литовский, и русский языки. Прямо с листа документы переводит... – анкета товарища Алехнович, Ядвиги Францевны, блестела, словно начищенный пятак. Даже Эйтингон не смог найти ничего подозрительного:

– Белоруска, родилась в деревне, в семье школьных учителей. Отца расстреляли в сентябре сорок первого, за отказ повесить в классе портрет Гитлера. Мать умерла вскоре после этого. Старшего брата, партизана, тоже расстреляли, в сорок втором году... – перед оккупацией, товарищ Алехнович успела закончить первый курс университета:

– Она продолжает учиться, заочно. В годы войны она работала связной, в партизанском отряде, с командиром, коммунистом. Отличные характеристики, комсомольская активистка... – завершив с распоряжением по идеологической работе, Эйтингон заметил:

– Сходите, товарищ Алехнович, пообедайте. Потом займемся приказами в Клайпеду... – внутренние бумаги, оформлявшие расстрелы арестованных, через общую канцелярию не проходили. Казненные бандиты, на бумаге, умирали в тюремных госпиталях. Закрыв машинку чехлом, девушка поднялась:

– Спасибо, товарищ генерал-майор. Я могу попросить, чтобы вам обед в кабинет принесли... – Наум Исаакович отмахнулся:

– Я потом в столовую спущусь... – он проводил взглядом стройную спину:

– Она хорошенькая, кстати. Ноги красивые. Наверное, за офицера какого-нибудь замуж выскочит. Хотя с Розой ее, конечно, не сравнить... – Наум Исаакович вырвался в Де-Кастри только на Новый Год. К тому времени он оправился от нюрнбергского ранения, но, разумеется, ничего не сказал Розе о визите в бывший рейх. Обе девочки бойко пошли, и лепетали первые слова. Присев на широкий подоконник, Наум Исаакович вздохнул:

– Папа, они пока не говорят, но малышки меня редко видят. Когда я разберусь с проклятым инвалидом, я стану чаще навещать Розу. В конце концов, мы поставим хупу... – по сведениям от Саломеи, Гольдберг, спокойно, пребывал в Мон-Сен-Мартене, вкупе с дочерью профессора Кардозо. Выздоровливая после ранения, в санатории МГБ, Наум Исаакович, чтобы отвлечься, чертил в блокноте искусные схемы. Он постучал крепкими пальцами по стеклу:

– Лаврентию Павловичу понравилась комбинация с Саломеей. Он согласился, что Музыкант нам не так ценен, как ценен его светлость, то есть труп его светлости... – сидя с Берия, за бутылкой армянского коньяка, и фруктами, Эйтингон опять увидел знакомый, жадный блеск в его глазах:

– Лаврентий Павлович, – успокаивающе, сказал Эйтингон, – их связь долго не продлится. Борцы еврейского подполья избавятся от представителя колониальной власти, а Саломее мы устроим гастроли... – Эйтингон задумался... – скажем, в Праге, или Будапеште, или Варшаве... – поблескивая стеклышками очков, Берия откинулся в кресле:

– Очень хорошо, Наум Исаакович. Здравая мысль. Думаю, нашей знакомой придется по душе Советский Союз... – Эйтингон смирился с тем, что Лубянка лишится агента в Израиле:

– По его лицу видно, что он Саломею от себя не отпустит. Ей двадцати не исполнилось, у нее большая грудь и длинные ноги. Никуда она не денется, Берия ее отправит в уединенное гнездышко, как я сделал с Розой... – Эйтингон, в который раз, похвалил себя за то, что не пространялся при министре о Розе и не показывал ее фотографий:

– Иначе я мог бы с ней проститься. Но Берия ее не любит. Он бы с ней поиграл и отправил гнить, в женский лагерь... – Наум Исаакович передернулся:

– Никогда такого не случится, пока я жив. Роза и девочки в полной безопасности... – тихими, зимними вечерами, на вилле, в камине итальянского мрамора потрескивали кедровые дрова. Повар, японец, отменно готовил и европейскую кухню. Пахло горьким шоколадом, пьяной вишней торта, Роза грела в длинных пальцах, с безупречным маникюром, хрустальную рюмку. Наум Исаакович велел доставлять в Де-Кастри французский коньяк. Особая бригада заключенных, отвечавшая за снабжение кухни, ловила в проливе рыбу, собирала трепанги и устрицы. Литовки и украинки, на ферме, коптили мясо, и делали колбасы. Из Москвы, вернее, из Парижа, Розе привозили фуа-гра и сыры. Девочкам давали парное, козье молоко, тепличные овощи. Профессор, начальник медчасти, осматривал их каждую неделю. Анюта и Наденька получили все необходимые прививки и отлично развивались.

Закрыв глаза, Наум Исаакович почувствовал ласковое прикосновение руки Розы. Она устроилась на уютном, обитом бархатом диване, закутав ноги в подбитое норкой одеяло. Девочки мирно сопели рядом, трогательно обнимая друг друга. Вечерами Наум Исаакович читал Розе вслух. Он привозил в Де-Кастри любимые, викторианские романы:

– Вероника ди Амальфи. Затерянные во льдах. Пролог. Мадлен Дюверне, по праву слыла цветком Акадии, сурового, отдаленного края, где добрые фермеры, еще говорят на языке французских деревень, времен царствования Людовика Тринадцатого... – Эйтингон, недовольно, подумал:

– Я пока не нашел подходящего художника для Розы. Но ведь и хупы еще не случилось, не говоря об остальном... – Наум Исаакович не мог поступить с Розой, как выражались в его излюбленных книгах, бесчестно:

– Она порядочная женщина, а не игрушка, как потаскухи Лаврентия Павловича. Я никогда не оскорблю Розу неуважением... – оставалось избавиться от проклятого инвалида. На досуге, Наум Исаакович размышлял, как лучше обставить убийство. Можно было организовать вручение Гольдбергу ордена, от чехов или поляков:

– Они смотрят нам в рот, и выполняют все приказы, но инвалид не дурак. Он не отправится опять на восток, одного раза ему хватило... – Наум Исаакович внес в блокнот запись:

– Французы, итальянцы... – легко соскочив с подоконника, Эйтингон взял карандаш, из бронзового, тяжеловесного письменного прибора:

– При отступлении немцы бросили всю обстановку, но мебель и безделушки, кажется, еще прошлого века... – в сороковом году проклятый изменник Воронов занимался депортациями буржуазного элемента из Литвы:

– Хоть бы он сдох, – пожелал Наум Исаакович, – хотя нет, он может пригодиться, сыграть роль брата... – перед отлетом в Каунас Берия намекнул, что товарищ Сталин недоволен, задержкой в создании бомбы. Несмотря на материалы, переданные Матвеем, физики буксовали. Лаврентий Павлович повертел золотое пенсне:

– Может быть, стоит расшевелить Ворону, дать ей стимул, чтобы она прекратила строчить популярные книжки для юношества и начала заниматься делом... – Эйтингон отозвался:

– Воронов сбежал, а ни с кем другим ее в койку не положишь, и угрозы с ней тоже не работают... – Берия поиграл дорогим паркером:

– Она не только физик, она инженер. Пусть строит гражданские сооружения. Ничего подозрительного, никаких военных проектов. У нас есть конструкторские шарашки... – он широким жестом очертил карту точек ГУЛАГа, на стене:

– Подыщите ей достойное место. Когда она втянется в дело, ей станет все равно, какие цифры ей приносят. Повторится ситуация, создавшаяся в Америке... – Эйтингон отдал распоряжение перевести Ворону на будущее строительство сахалинского тоннеля:

– Убьем двух птиц одним камнем... – он, рассеянно, чертил на листе загогулины, – я часто летаю в Де-Кастри. Ворона окажется под надежным присмотром... – он велел набрать в бюро исключительно арестованных женщин:

– Ворона может сдружиться с кем-то, разговориться с ней. Тогда мы поймем, как доктор Кроу оказалась в Пьюджет-Саунд... – вспомнив холодные, непроницаемые глаза ученого, Эйтингон решил:

– Но вряд ли она кому-то откроется, а пытаться ее нельзя... – как следует, изрисовав слово «Италия», Эйтингон хмыкнул:

– Ватиканский орден он примет, несмотря на то, что он еврей. Девочка Кардозо католичка... – об этом сообщила Саломея, – но у нас нет рычагов давления на Ватикан. Франция ближе, туда легче поехать. Но французские ордена у него есть, даже два... – орденская планка инвалида могла поспорить с наградами боевого генерала:

– Однако итальянского нет, – подытожил Эйтингон, – пусть тамошние коммунисты, в правительстве, продают вручение инвалиду побрякушки. Остальное будет за мной... – сунув блокнот в карман генеральского кителя, он оглядел комнату:

– Петр здесь арестовывал покойного рава Горовица. То есть живого рава Горовица... – как и предполагал Наум Исаакович, сведения о испытании тарелки в Розуэлле, заставили забежать все министерство:

– Как мы забежали, когда К-57 привезла неграмотную бабу из Чили... – Эйтингон лично допрашивал придурка, как он называл индианку. Женщина только повторяла:

– Корабли, много кораблей... – Наум Исаакович удивился, что с ее уродством, на чилийку кто-то польстился:

– Но она родила ребенка, и даже белого. Муж ее погиб, на рыбацьем судне, когда они в шторм попали... – Эйтингон не собирался отправлять дурочку в Де-Кастри:

– Она способна только мыть полы, но мои дочери не должны видеть такое уродство. Впрочем, Лаврентий Павлович велел держать ее под рукой, на случай, если американцы опять пошлют десант в Антарктиду. Она покажет, где видела корабли... – при виде карты индианка растерянно хлопала глазами:

– Придется ее с мальчишкой опять на юг тащить... – чилийку с ребенком держали на закрытой базе, где стояла К-57:

– Лодка ожидает мальчика и Дебору, а ему пока приказали остаться в Америке. Розуэлл для нас важнее. Но письмо о Ягненке он отправил. Посмотрим, удастся ли бывшим боссам его поймать... – Эйтингон, впрочем, и сам не хотел возвращения Матвея на родину:

– То есть хочу, – поправил он себя, – но сначала я должен найти его сына... – дверь приоткрылась. Товарищ Алехнович, робко, поинтересовалась:

– Может быть, кофе, товарищ генерал-майор? Вы не пообедали... – девушка покраснела. Наум Исаакович, добродушно, подмигнул ей:

– Вы обо мне заботитесь, как положено комсомолке. Сварите, как я люблю. У нас много дел, после кофе продолжим с приказами... – он послушал стук каблуков, низкий вой кофей-

ной машинки. Итальянский агрегат Наум Исаакович привез из Москвы. Товарищ Алехнович, приданная ему местным МГБ в секретари, быстро обучилась варить крепкий эспрессо:

– Но так, как в Риме, все равно, никто кроме римлян, не сварит. Меня ждет Рим, а Роза станет свободна... – девушка напевала, в передней. Наум Исаакович подумал: «Хорошая из нее жена выйдет».

Аккуратно поставив чашку на серебряный поднос, оглянувшись на дверь, Ядвига смачно плюнула в кофе. Ложечка зазвенела, она улыбнулась, заходя в кабинет: «Пожалуйста, товарищ генерал-майор».

Набрав горсть сырой, тертой картошки, в пожелтевшую, но крепкую марлю, Степан подвесил кулек над облупленной, эмалированной миской.

На кухне затерянного среди болот и лесов хутора, пахло не боеприпасами и запустением, а сытостью и довольством:

– Литовцы тоже ставят русские печи... – он провел ладонью по белой стене, – и погреб здесь богатый... – в погребе лежали овощи, домашняя солонина, копченое мясо. На стенах висели связки лука и сушеной рыбы. Пани Аудра вздохнула:

– Папа даже коз держал, при оккупации. Ради молока, для детей... – отряд пана Юозаса переправлял на хутор евреев, спасенных из каунасского гетто. Женщин с детьми забирали еврейские партизанские соединения, действовавшие в лесах:

– Погодите, – прервал девушку Авраам, – то есть вы этим занимались, если вы в городе жили. Вы связывались с людьми из гетто, организовывали побеги... – Аудра покраснела:

– Не только я. С ребятами из гетто много людей работало, и литовцы, и белорусы, и поляки... – осенью сорок третьего года гетто ликвидировали, устроив концлагерь, куда свозили евреев со всей Литвы:

– Но мы старались выжить людей и оттуда, – призналась Аудра, – до лета сорок четвертого года, когда фашисты отправили всех выживших евреев, в Польшу... – заняв Каунас в начале августа сорок четвертого, Красная Армия евреев в городе не нашла:

– Во всей Литве спаслось едва ли пять тысяч человек... – Авраам, невольно, сжал кулаки, – отряд отца Аудры помогал евреям, но таких случаев мало... – он помнил рассказы людей с востока, прибывших к отряду жены:

– В Прибалтике немцы ничего не делали. Все акции проводила местная полиция. И на Украине то же самое случилось... – стоя на кухне хутора, со старомодным, тяжелым ножом, он покосился на кузена Степана:

– Хоть кол ему на голове теши. Когда речь заходит о его брате, он становится упрямей Волка и Теодора, вместе взятых. Ему рассказали о форте де Жу, я говорил о варшавском восстании, о том, что Эстер стреляла в его брата, а он уперся, как баран. Хотя это брат, еще и близнец. Если бы мне сказали, что Эстер, или, например, Циона, работают на русских, я бы тоже не поверил... – Авраам усмехнулся.

Мясорубки на хуторе не завели.

Он резал свинину с салом, для литовских пирожков, цепелинай. В полуоткрытое окно пахло весной. На чистом, с убраным снегом дворе, важно расхаживали гуси, перекликались курицы. Большой скотины здесь не держали. Аудра развела руками:

– Козы сами паслись, им немного надо, а свиньям требуется корм. Птица тоже сама пропитание находит... – бревенчатый, обнесенный стеной хутор возвышался на пологом холме, среди отборных сосен. Вокруг лежали заснеженные, лесистые болота. Старая гать вела к древнему, прошлого века, мосту через быструю, каменистую Ширвинту. Уединенная тропинка шла по берегу реки на запад, к городку Йонава. Оттуда ходил рейсовый автобус до Каунаса.

– Всего лишь тридцать два километра... – Авраам сыпал мясо в миску, – и еще десяток километров от Йонавы, до моста... – у моста партизаны оборудовали постоянный пост наблю-

дения, устроив хорошо знакомую Аврааму конструкцию, деревянную платформу, в густых ветвях елей. Гать тоже охраняли. Когда на хуторе появлялись отряды, дозорные пристально следили за дорогой.

По пути на хутор Авраам рассказывал ребятам об опыте подпольной жизни, в горах Польши и Словакии, о диверсиях и нападениях на немецкие базы:

– Йонас молодец... – он успел оценить командира, – хоть он и совсем юноша. Но их борьба обречена на провал, как и действия украинских националистов... – Авраам, конечно, ничего такого бойцам не говорил:

– По глазам понятно, что они намерены сражаться до конца, как мы, на войне. То есть война еще идет... – он вдохнул уютный аромат печного жара:

– Как хочется, наконец, добраться до Израиля... – Авраам помнил дорогу на юг, с закрытыми глазами. Ночами, на Лубянке, и в побеге, он видел, во снах, знакомый бело-голубой флаг, над воротами кибуца Кфар Гилады, на северной границе, у ливанских гор:

– Меня посадят на попутку и тем же днем я буду дома... – Аврааму казалось, что он придет в Кирьят Анавим жарким, томным летним вечером. Он ощущал под ногами камни, на тропинке, ведущей с остановки у шоссе, навверх, к ограде кибуца. Он слышал музыку, из старого радио, в рубке охранников, до него доносились шлепки засаленных карт, по столу. Парни насвистывали, подпевая песенке, вспыхивали огоньки папирос.

Госпожа Эпштейн, в холщовых брюках и просторном фартуке, бралась за гонг:

– К ужину зовут... – Авраам не двигался, – сначала малыши идут, из младшей группы... – он заметил рыжую голову дочки:

– Она вытянулась, ей два года исполнилось. Идет как хорошо, Тикву за руку держит... – Фрида, переваливаясь, спешила за старшей подружкой. Дочка тащила под мышкой деревянную куклу:

– Цила сзади, с другой учительницей, а вот и близнецы... – дети сбегались к столовой, кто-то из пасынков, на ходу, пинал футбольный мяч. Авраам замер:

– Эстер, Эстер... – выйдя из барака, жена, мимолетно, погладила ствол большого, раскидистого грецкого ореха:

– Папа мой посадил это дерево... – сердце заныло, – я дома. Сейчас я побегу к Эстер, поцелую ее. Но сначала я встану на колени... – он почувствовал на губах тепло своей земли.

Очнувшись, Авраам вздрогнул. Кузен забрал у него миску:

– Стучишь ножом по пустой доске, – сварливо сказал Степан, – погоди мечтать, немного осталось. Сейчас надо собраться... – Авраам и сам это знал:

– Нас ждет последний рывок, как говорится... – кузен ловко лепил цепелинай, он ополоснул ладони в старомодном рукомойнике, – но теперь мы получили надежные документы. То есть до первого патруля надежные... – фотографии на хуторе было никак не сделать. Аврааму, не знавшему ни русского, ни литовского языка, достался паспорт с польской фамилией:

– Совсем, как пан Вольский, – он рассматривал серую книжечку, с гербом СССР, – как я понимаю, мы расхаживаем с бумагами мертвых людей... – Йонас кивнул:

– Документы предателей. При казнях мы забираем паспорта, на всякий случай... – Авраам заметил:

– Мы в Польше тоже так делали... – остальные кузены стали русскими. После войны в страну хлынули переселенцы, с востока:

– Якобы ради восстановления промышленности, как пишут в газетах, – презрительно сказала Аудра, – русским надо кого-то ставить на заводы, вместо людей, сосланных в Сибирь. В бывшей Восточной Пруссии вообще одни русские живут, и в Клайпеде тоже... – бывший Мемель, после войны, еще лежал в развалинах.

По словам Йонаса и Аудры, в порт соваться было бесполезно. Клайпеда кишела русскими военными и работниками МГБ. Покуривая у окна, Авраам, искоса, взглянул на кузена:

– Он до войны много раз летал с каунасского военного аэродрома. Максим его спас, организовал так называемый дебош, вывел из-под удара НКВД. По глазам видно, что он себя неловко чувствует. Наверное, думает, что литовцы его оккупантом считают, а ведь попадись он в руки Лубянки, его расстреляют. Хотя нет, его не тронут, из-за Констанцы. И неизвестно, что с Вороновым случилось. О Констанце Степан тоже ничего не знает. Он мучается, бедняга... – в лазоревых глазах кузена поселилась постоянная, глухая тоска:

– Впрочем, у нас всех похожие глаза. Поговорить, с ним, что ли, пока время тихое... – отряд, разделившись на две части, ушел минировать дорогу на Укмерге. По сведениям от местных связников, на этой неделе из Каунаса в городок двигалась военная колонна:

– Йонас и Аудра в Каунас отправились, на встречу с кротом... – литовцы пользовались безукоризненными паспортами. Йонас запретил им высовывать нос с хутора:

– Ходите не дальше моста, – велел командир отряда, – Йонава маленький городок, чужих сразу заметят... – Волк с кузеном Теодором сейчас сидели на платформе, ожидая появления литовцев:

– О кроте, в Девятом Форте, они не говорят, – подумал Авраам, – Впрочем, я бы тоже о таком не распространялся. Не могу верить, всего семь лет прошло, с тех пор, как покойный Аарон отсюда евреев вывозил. Здесь я Регину встретил, ревновал ее к Волку, а она предпочла Наримуне. Кто мог подумать, кто Наримуне работал на русских? Но Степана, на Халхин-Голе, он спасал по велению совести, и по велению совести ставил визы здешним евреям. К русским, он, наверняка, тоже поэтому пришел. Они с Региной совсем немного до конца войны не дожили. Меир вывез их детей из Японии, успел до бомбежки... – они знали и об атомных взрывах, и о трибунале в Нюрнберге. О Максимилиане фон Рабе, Впрочем, советские газеты не упоминали:

– Если его и поймали, то его не вывели на процесс... – вздохнул Авраам, – как русские не вывели на процесс Власова. Наверняка, его просто тихо повесили... – он, Впрочем, сомневался в таком исходе, для фон Рабе:

– Правильно Марта говорила Волку, нацисты бежали в Южную Америку. Значит, мы сами их найдем, и призовем к суду. И фон Рабе, и Воронова, что бы его брат ни говорил. Но надо поддержать Степана... – Авраам, было, открыл рот.

В окно донесся скрип мощных ворот. Хмурый голос Федора Петровича позвал:

– Идите сюда, вы оба... – Йонас и Аудра, в штатских, потрепанных пальто, обивали снег с сапог, на крыльце. Авраам высунул голову в окно:

– Ого, я у Волка редко такой взгляд видел. Сейчас он на своего дедушку похож, каким его в учебниках печатают... – в прошлом году, под Смоленском, Максим принес в леса потрепанный учебник истории, для средней школы:

– Товарищ комбриг знает издание, – он подмигнул кузену, – а я до восьмого класса не добрался, меня из седьмого выгнали... – Авраам кивнул:

– Я видел рисунок, в монографиях по русской истории. Вы с ним вообще одно лицо... – голубые, яркие глаза Волка играли опасным огнем. Он покуривал «Беломор», прислонясь к резному столбику, на крыльце:

– Идите, идите, дело есть... – Авраам распахнул дверь кухни:

– Степан, бросай свои цепелинай... – пани Аудра, устало, присела на скамейку:

– Волк сказал, по секрету, что она ждет ребенка. То-то она у меня выпрашивала, как Эстер в горах с Фридой справлялась. Ерунда, пусть она едет с нами в Швецию. Хотя пани Аудра не бросит Йонаса, как Эстер не бросила бы меня... – отдышавшись, девушка приняла от Степана немецкую, трофейную кружку:

– Чай сладкий, – улыбнулся Степан, – вам, – он быстро поправил себя, – то есть нам всем, сейчас полезен сахар... – литовка подозрительно взглянула на него, но чай выпила:

– Спасибо, пан Степан. В общем... – Аудра взяла за руку мужа, – в феврале крот передал, что сюда едет новый руководитель, из Москвы. Мы долго не выходили на связь, наш человек был очень занят... – Аудра подняла серые глаза, – он работает с этим москвичом. Теперь мы встретились, и крот сообщил имя... – по лицам кузенов Степан все понял:

– Именно так, – угрюмо кивнул Федор Петрович, – наш старый знакомец, генерал-майор МГБ, Наум Исаакович Эйтингон... – крепкий, замысловатый русский мат, спугнул птиц с заснеженной крыши.

Электричества на хутор не провели, на весь дом имелась одна, старомодная, запыленная керосиновая лампа. Под абажуром бился слабый огонек. В щель, под дверью кухни, виднелось мерцание углей, в русской печи.

Аудра рано пошла спать. Устроив жену на лежанке, под тулупами, Йонас вернулся в маленькую комнату, с крепким, деревянным столом, с наваленными на лавках, у стен, овчинами. В глиняном горшке дымилась гороховая похлебка, с копченым салом, Степан, все-таки, приготовил цепелинай.

Он исподволь рассматривал Янека, как Степан, по привычке, называл про себя юношу. Уходя в Каунас, пан Йонас побрился, но сейчас щеки заросли светлой щетиной:

– Тем летом, когда я в русское посольство пошел, ему двадцать три исполнилось. Сейчас ему двадцать пять лет... – Аудра была на год младше мужа, – а выглядит, словно ему четвертый десяток. Впрочем, мы все постарели... – в лесах им негде было себя рассматривать, но Степан знал о своей седине:

– У Волка незаметно, он белокурый, но у него морщины... – Максим Михайлович, молча, деловито, ел похлебку. Степан испек ржаные лепешки, из муки, найденной в подполе. Крепкие пальцы Федора Петровича сунули луковицу, в серую соль. Забулькал самогон, из бутылки зеленого стекла:

– И самогон здесь имеется, и капуста квашеная. Даже клюквы наморозили. Надо пани Аудре пирог испечь, с клюквой. Кристина покойная меня рецепту научила, в Норвегии... – Степан бросил взгляд на руки Йонаса, с каемкой грязи под ногтями:

– В Стокгольме он закончил четыре курса университета. Я помню, он любил пофрантить, в бильярд хорошо играл, в кино ходил. Его родители, должно быть, и не ждут его домой, думают, что он погиб. Единственный сын. И у него скоро ребенок родится... – Йонас залпом выпил полстаканчика самогона:

– Аудра сейчас устает... – парень, смутившись, неловко повел рукой, – у нас есть доктор в Каунасе, надежный человек. То есть был доктор... – собравшись на подпольный, домашний прием, Йонас и Аудра наткнулись на опечатанную дверь:

– Соседи сказали, что ничего не знают. Ночью приезжали машины, русская эмка и грузовик. Они слышали шум, женский плач... – у доктора была жена и двое детей, – в общем, все понятно... – Йонас подытожил:

– Врач говорил, что все идет хорошо, но Аудре нельзя больше рисковать... – опрокинув стакан самогона, Федор повертел довоенную карту Девятого Форта:

– Думаю, с буржуазных времен, как в здешних газетах выражаются, – он горько усмехнулся, – в крепости ничего не изменилось. Но ведь с таким же успехом можно атаковать, скажем, Кремль... – подъезды и подходы к Девятому Форту надежно охранялись внутренними войсками. Федор поскреб в рыжей, с проседью голове:

– Даже если ты соберешь в город всех партизан центральной Литвы, это будет самоубийство. Поверь моему опыту, таких... – Федор поискал слово, – бонз, надо ликвидировать точечным ударом. Я знаю, я во Франции провел немало подобных акций. Например, заминировал лимузин своего первого зятя... – Йонас открыл рот, Федор отмахнулся: «Долгая история».

– Долгая история... – сердце заныло, – мерзавец может знать, где сейчас Марта и Уильям... – по глазам Волка Федор Петрович понял, что зять думает о том же самом:

– Похлебка хороша... – Волк собрал лепешкой остатки, на дне миски, – значит, ваш крот утверждает, что товарищ генерал-майор... – красивые губы скривились, – никуда не ездит... – Йонас помотал головой:

– Он занял апартаменты бывшего коменданта форта. В квартире кто только не обретался. Коммунисты, в сороковом году, нацисты, после, а теперь опять коммунисты... – доктор Судачков буркнул:

– Я вообще атеист, но если Бог есть, я бы попросил Его исполнить три моих желания. Сначала пусть сдохнут все нацисты, потом все коммунисты... – Йонас заинтересовался: «А третье?»

Авраам прикурил от свечи:

– Третьим делом я попрошу сварить мне капучино, как его варят на одной улочке, рядом с площадью святого Петра, в Риме... – когда они отсмеялись, Волк заметил:

– Можно найти подход к людям, обслуживающим гараж, но это требует денег и времени. Деньги препятствия не представляют... – он коротко улыбнулся, – но время работает против нас. Тем более мерзавцу все на дом привозят, он из форта и шагу не делает. Он, сука, осторожен... – принимаясь за цепелинай, Волк добавил:

– В любом случае, нельзя его взрывать, даже если бы мы и могли это сделать. То есть можно и нужно, но сначала требуется с ним поговорить, по душам... – он кивнул на финский нож, на грубой доске, рядом со шматом холодного, с тмином сала. Выпив еще стаканчик, Федор занюхал самогон лепешкой:

– Никого из нас даже близко к форту де Жу, то есть, черт, к Девятому Форту, не подпустят. Если и подпустят, то мы закончим жизнь в тамошних подвалах... – Степан смотрел в подслеповатое окошко, на яркие, далекие звезды, над лесом:

– Волк видел Петю в форте де Жу, с фон Рабе и эсэсовцами. Петя разведчик, он выполнял задание партии и правительства. Но ведь он выполнял задание и в Девятом Форте, когда допрашивал рава Горовица. Я помню, каким я нашел Аарона в подвалах. Я тогда уговаривал себя, что Петя на такое не способен. До войны я думал, что, получив приказ, он и меня арестует. Он отправил Антонину Ивановну в Аушвиц... – Степан подавил желание закрыть глаза:

– В Норвегии Констанца говорила, про лодки. Каждая лодка в море, словно звезда в небе. Они следуют назначенному курсу, а нам, стоящим на берегу, выпадает только следить за ними. Констанца всем пожертвовала, ради меня. Эйтингон знает, где она, не может не знать... – взяв со стола «Беломор», он долго, аккуратно, разминал папиросу:

– Янек мог спокойно жить в Швеции, но Литва, его родина. Он не хотел стоять в стороне, над кровью братьев своих. Наримуне спас меня, и евреев Каунаса, потому, что так велела ему честь. Я помню апартаменты... – дым обжег ему горло, – я в той квартире готовил Пете литовский борщ, и гуся с яблоками. Но если Петя сейчас в СССР... – Степан, незаметно, помотал головой:

– Нет. Правы они, или не правы, насчет Петиного предательства, только время покажет. Но я больше, чем уверен, что Пети нет в России. Эйтингон понятия не имеет, что Уильям не был его сыном... – Степан поднял голову:

– В Девятый Форт пустят меня... – Волк, было, хотел что-то сказать. Степан вздохнул: «То есть не меня, а Петра Воронова».

Знакомая, черная с золотом этикетка, на флаконе с туалетной водой, немного загибалась на углах. Запах остался таким же, теплым, пряным, сандаловым.

Степан вспомнил старую квартиру, на Фрунзенской, почти пустой флакон, в ванной комнате, пожелтевшие страницы иностранных журналов, в спальне брата. Красивые, длинноногие

женщины, в изящно сидящих платьях, улыбались холемым мужчинам, в хороших костюмах. Щелкала зажигалка, пепел сигареты падал в хрустальную пепельницу:

– Получай удовольствие. Кури Camel... – перед Степаном, правда, лежала красно-белая пачка Chesterfield. На журнальной рекламе, голливудская звезда, месье Шарль Буайе, сообщал, что всегда курит именно эти сигареты.

Степан почувствовал на щеках приятный холодок кельнской воды. Пожилой, благообразный парикмахер, говорил с сильным литовским акцентом:

– Флакон довоенный, пан. Я при оккупации держал салон, стриг и брил немецких офицеров... – пан Йонас подал голос, из угла комнаты:

– Стриг, брил, слушал разговоры. Пан Вацлав учился ремеслу в Париже, немецкий язык он тоже знает... – парикмахер отмахнулся:

– Пустое. Но вообще в кресле люди любят болтать. Я заваривал кофе, клиенты меня снабжали... – он усмехнулся, – кофе, массаж, и даже эсэсовцы теряли бдительность... – пан Вацлав трудился мастером в большой парикмахерской, на аллее Свободы, ныне проспекте Сталина. Туда, Степану, с документами мертвеца, хода не было:

– Я видел помещение, – подумал он, – в сороковом году я проезжал мимо на эмке. Кафе «Ягайло», то есть столовую каунасского общепита, я тоже помню... – в маленькой квартирке, выходящей на площадь, с закрытым, средневековым костелом Святой Ядвиги, задернули шторы и включили свет. Степан узнал костел:

– Мы проходили рядом, с офицерами. Но с Наримуне мы встречались у другой церкви, где играл орган... – большевики, как о них говорили Йонас и Аудра, разрешили богослужение только в одном храме Каунаса, в базилике святого Петра и Павла. Остальные костелы и церкви стояли заколоченными:

– Я бы сходил, помолился... – Степан закрыл глаза, – я давно не был в церкви. Но Йонас считает, что такое опасно, и ребята с ним соглашаются. Он едва разрешил мне встретиться с кротом... – человек Йонаса и Аудры работал техническим сотрудником, как говорили литовцы, в Девятом Форте:

– Но в городе вы не увидите, – отрезал Волк, едва речь зашла о randevu, – никаких прогулок по аллее Свободы... – Максим Михайлович, упорно, называл улицы городов СССР исконными именами, – никаких посещений кафе «Ягайло» ... – он подмигнул Степану, полковник что-то смущенно пробурчал.

– Я и сам в кафе не заглядываю... – встрял Янек, – за годы оккупации погибло много людей, но наша квартира была напротив, неподалеку располагалась моя гимназия. Я могу натолкнуться на соседей, соучеников... – в Каунасе Аудра с Йонасом останавливались в безопасных комнатах, затерянных в глубине пока не восстановленного, пострадавшего при обстрелах, Старого Города. Здесь, правда, работало электричество и водопровод:

– Особняк подлатали, – объяснила Аудра, – все-таки здание семнадцатого века. Я тоже росла в особняке... – девушка вздохнула. После ареста пана Юозаса, его хорошенький домик, у Каунасского Ботанического Сада, реквизиовало МГБ:

– Туда отделение милиции въехало, – девушка скривилась, – но не беспокойтесь, с кротом вы встречаетесь вечером, на противоположной стороне парка. В тех местах все заброшено... – на randevu Степана везли в той же машине, на которой они приехали в город:

– Мы сюда ночью явились, никто нас не заметил... – он бросил взгляд на Волка, – но Максим два дня подряд ходил на рынок. На базаре, наверняка, тоже ориентировка на него висит... – Степан отлично помнил и каунасский рынок:

– Там Волк меня впервые увидел. Девушка, с которой я танцевал, потом вышла замуж за Наримуне... – и Наримуне и Регина, не дожили до победы:

– Он выполнял долг человека чести, и заплатился своей жизнью. Но его дети, слава Богу, в безопасности. И маленький Володя, то есть Уильям, не должен сгинуть в России. Ни он, ни Марта, ни моя Констанца... – приказа со своим описанием на рынке Волк не нашел:

– Сюда псы пока не добрались, – весело заметил он, шурша пакетами, – после рынка я навестил комиссионный магазин, на аллее Свободы. В сороковом году я в том эмпориуме купил отличный саквояж, итальянской кожи... – Волк добавил:

– Я с ним явился к батюшке пана Йонаса, принес плату, за нашу вечеринку, товарищ комбриг... – глаз у Волка оказался наметанный. Костюм, рубашка, пальто и ботинки сидели, как влитые. Степана снабдили портфелем, хорошей кожи, портмоне и часами. Галстук был итальянского шелка:

– Я так одевался, когда в Данию ехал, к Нильсу Бору... – они с Волком едва уместились в тесную ванную, – ты и белье заграничное нашел... – Волк поправил ему галстук:

– Если поискать, то все можно найти. Журналы, сигареты и презервативы продают спекулянты, товар привозят из Клайпеды... – торговый порт Клайпеды принимал скандинавские и британские корабли:

– Мы посидим с Йонасом, – пообещал Волк, – подумаем. Может быть, удастся обернуть это в нашу пользу, проникнуть на судно. Они пускают в город иностранных моряков, но под охраной... – он похлопал Степана по плечу:

– Ты так второй раз в жизни одеваешься, а я всегда ходил франтом. Я воевал в Италии, это тебе не норвежские леса. До войны я часто консерваторию и Большой театр посещал... – воровать на каунаском рынке оказалось так же просто, как и в буржуазной Литве:

– Толкучка, она и есть толкучка... – заметил Волк, – я даже за пивом успел посидеть, с солеными сухариками. Жаль, что шампанское везде советское. Так бы мы выпили за удачу, товарищ комбриг, то есть Петр Арсеньевич Воронцов-Вельяминов. Но ничего, я принес бутылочку, вкупе с твоими сигаретами. У спекулянтов нашелся французский коньяк... – на встрече с кротом Степан передавал ему финский нож. Работника МГБ не обыскивали, но любого визитера в Девятый Форт, непременно, проверили бы. В задачу крота входило познакомить Степана с расписанием товарища генерал-майора, на ближайшее время, и позаботиться, чтобы никто не помешал встрече бывшего сотрудника НКВД и его бывшего ментора.

В ванной Максим повертел его руку:

– Если он увидит номер, он может понять, что это ты. Ты говорил, что на медицинском осмотре тебя фотографировали... – Степан пристально рассмотрел себя в тусклом зеркале:

– До номера, как и до подробностей его довоенных операций, о которых ты беспокоишься, дело не дойдет. О том, что случилось на войне, я знаю, от вас... – Степан запнулся, – и от него, а потом в дело вступит финский нож. В квартире стоит камин... – он опять замялся, – в сороковом году я навещал апартаменты... – Волк дернул щекой:

– Крот обеспечит отступление, но нам потребуется, как можно быстрее уйти из города, и вообще, покинуть страну... – Федор Петрович и Авраам, изображавшие крестьян, поехали с пани Аудрой на окраину города, где, на южном берегу Немана, располагался каунаский военный аэродром:

– Мы все рассмотрим, и все запомним... – обещал Федор Петрович, – а ты пока готовься к визиту... – иностранный паспорт было никак не достать, но Волк снабдил Степана несколькими американскими купюрами, и внушительной пачкой советских рублей:

– Эйтингон не проверит мой паспорт, – хмуро сказал Степан, – ему не до этого будет... – Йонас, с городским связником, послал весточку в леса:

– Пара десятков ребят, при оружии, придет в Каунас, – сказал литовец, – на всякий случай... – Степан отправлялся в Девятый Форт без пистолета:

– У него, наверняка, имеется при себе наган при себе... – угрюмо заметил полковник Волку, – но в меня он не выстрелит. Я ему нужен, если Степан сбежал... – мастер, попрощавшись, ушел.

Йонас варил на кухне кофе, тоже из пакета, принесенного Волком. Степан вдохнул горький дымок:

– Я помню, когда мы вошли в Литву... – он поймал себя на том, что краснеет, – аэродром был гражданским. В главном зале висели рекламы рейсов в Швецию, в Британию, и портреты летчиков, в честь которых назвали поле... – в тридцать третьем году два литовских авиатора разбились, при попытке выполнить беспосадочный рейс, из Нью-Йорка, в Каунас:

– После войны Ворон хотел летать через Атлантику, гражданским пилотом. Я обещал Констанце, что буду возить грузы, на местных рейсах, в Шотландии. Я верю, что так и случится. До Швеции здесь часа два, дорога прямая. Главное, вырваться из воздушного пространства СССР. После шведской границы они нас не атакуют, не посмеют. Я помню карту, мы до войны аккуратно летали над Балтикой... – Степан шесть лет не садился за штурвал, но был в себе уверен. Он все не мог отвести глаз от зеркала:

– Аристократ. Федор Петрович сказал, что это правда, что мы тоже Воронцовы-Вельяминовы. Наш отец скрыл дворянское происхождение, поменял имя и фамилию... – на него смотрел Петр, такой, каким Степан помнил его, в Нойенгамме:

– У нас даже одинаковые шрамы, на щеке. Петр больше не станет мне лгать... – сердце заболело, – если он был власовцем, вступил в СС, то я сам, лично, его пристрелю... – Степан услышал тихий голос Волка: «Как называется туалетная вода?».

Он поднялся, блеснув холодными, лазоревыми глазами:

– Floris 89. Разливай коньяк, я принесу кофе... – Волк посмотрел вслед широкой спине, в костюме английской шерсти:

– Похож. Очень похож... – Максим перекрестился: «Господи, помоги нам».

В трофейном, старом опеле, с заляпанными грязью номерами, горела одна, тусклая лампочка. Машину припарковали на усеянной лужами аллее, идущей вдоль разбитой, каменной ограды ботанического сада.

Когда кузены, с Аудрой, вернулись с южной окраины, с записями в блокноте, Волк велел:

– Сидите здесь. Я с Йонасом отвезу Петра Арсеньевича... – он сжал губы, – на встречу с кротом, а вы приготовьте ужин, побудьте с пани Аудрой... – по лицу девушки было заметно, как она устала:

– Нечего болтаться толпой по городу, – завершил Волк, – нас ждет важная операция... – им предстояло расставить на подъездах к Девятому Форту партизан пана Йонаса:

– Грузовик ребята пригонят, пан Максим... – заверил его юноша, – а вторая группа пусть отправляется на аэродром, то есть в его окрестности... – тесть, с привычным тщанием, подготовил настоящую карту района взлетного поля:

– Степан тоже на чертеж посмотрел... – Волк покусывал карандаш, – по его словам, за семь лет на аэродроме вряд ли что-то изменилось... – Федор Петрович с Авраамом не могли проникнуть за ограду военной базы, но полковник Воронов считал, что на поле держат не только истребители и бомбардировщики:

– Вообще нам нужен транспортный самолет... – в зеркальце Волк видел склоненную над картой, светловолосую голову пана Йонаса, – но ведь он, как и его ребята, откажется покидать Литву... – они согласились, что путь в Клайпеду слишком опасен:

– После того, что случится в Девятом Форте, – Волк помолчал, – МГБ, немедленно, перекроет все дороги из города. Отряд Йонаса заляжет на дно, отсидится, но мы должны, немедленно, покинуть страну... – пошарив на приборной доске, Волк чиркнул спичкой.

В полуоткрытое окно доносился стук капли, влажный, древесный аромат волглого, тающего снега. Над парком висело сумеречное, зеленоватое небо. В городе зажигались фонари, но здесь было почти темно:

– Покинуть страну... – он затягивался «Беломором», – но если Марте не удалось бежать, если она здесь? Степан не говорит о таком, но я в его глазах тоже вижу тоску... – пронзительно, заунывно закричала птица.

Полковник Воронов десять минут назад вышел из опея. Крот литовцев ждал его за оградой, в уединенном месте:

– Йонас и Аудра не говорят о том, кто он такой... – небо напомнило Волку о глазах Марты, – и правильно делают. Марта любила повторять, что во многих знаниях, многие печали... – чтобы отвлечься, Волк вспомнил давний разговор с тестем:

– Федор Петрович считает, что Анна Александровна вывезла Констанцу из Лос-Аламоса. Констанца Степану ничего о своем побеге не сказала. Она осторожна, после жизни в нацистском плену, после того, что произошло. Но она предполагает, что в США работает советский агент... – по словам тестя, то же самое предполагала и его жена.

Как Волк ни старался, он не мог, даже про себя, назвать Анну Александровну тещей:

– Наверное, приучусь, – хмыкнул он, – впрочем, вряд ли секретная служба допустит меня на их остров, в Пьюджет-Саунд... – тесть сказал Волку, что вызовет в Стокгольм его светлость:

– Только сначала господин Равенсон, пользуясь знакомством с графом Бернадоттом, обеспечит Аврааму беспрепятственный проезд на родину... – Максим возмутился:

– Даже Джон не отправит собственного кузена в тюрьму, после всего, что он перенес... – доктор Судаков невесело ощерил почти беззубый рот:

– Я срок не отсидел, дорогой Волк. Британцы, наверняка, мне пятерку за побег добавят. Хорошо еще, что не двадцать пять лет... – серые глаза, неожиданно, повеселели, – но в камеру на Русском Подворье я возвращаться не собираюсь... – Максим ожидал, что Джон увезет полковника Воронова в Британию:

– Им важны любые сведения о Констанце. Нам с Федором Петровичем предстоит разыскать Марту... – сведения и о Констанце, и Марте, хранились у товарища генерал-майора, Наума Исааковича Эйтингона:

– Впрочем, и не только о них. Ничего, скоро мы все узнаем, а сука, проклятый чекист, отсюда уедет в гробу. Устроят ему большевистскую панихиду, на Лубянке, похоронят на Новодевичьем кладбище. Теперь и на могилу Чехова не сходить, все вокруг дохлыми коммунистами утыкано... – Йонас, сзади, откашлялся:

– Пан Максим, я Аудру убедил. Она с вами улетит. Передайте ее на руки моим родителям, пожалуйста... – по глазам юноши Максим видел, что спорить с ним бесполезно:

– Хорошо, что пани Аудра не упрямится. Но по ней видно, что она плохо себя чувствует. Нельзя, чтобы она ребенка потеряла... – Волк опять вспомнил ночь ареста:

– Я сказал Марте, что спас Питера, в Доре-Миттельбау. Она что-то хотела ответить, но потом псы явились. Ее тошнило, в театре... – Волк, иногда, тайно считал на пальцах:

– Весной прошлого года дитя должно было родиться. Если Марта выжила, конечно, если ничего не случилось. Господи, помоги нам, пожалуйста... – они с Федором Петровичем решили рассказать Джону о предполагаемом нацистском гнезде, где-то в Южной Америке, о том, что в Америке Северной может работать советский агент:

– Это его профессия, – заметил тесть, – пусть он агентами и занимается, пока холостой и бездетный. То есть, наверное, холостой... – они понятия не имели, что случилось с кузенами, за год:

– Мы с тобой займемся семьей, – попытожил Федор Петрович, – а Меир нам поможет, где бы он сейчас ни был... – вспомнив знакомство с полковником Горовицем, в Италии, Волк помотал головой:

– Меир не может быть советским агентом. Авербах, тем более, не имеет отношения к Лубянке. Неужели, все-таки Копыто сдал встречу в Требнице? Ерунда, Конраду негде было столкнуться с русскими. После Аушвица он сразу подался на юг, в Будапешт, где мы и встретились... – Волк помнил туманные, мечтательные глаза Ционы, в ложе оперы:

– Понятно, что она увлеклась фон Рабе. Девчонка, шестнадцати лет, что она видела... – при Аврааме он, конечно, о таком не говорил, – неужели русские как-то узнали об этом? Они вышли на Циону, в Палестине, начали ее шантажировать... – схема получалась стройной, но Максим, все равно, в такое не верил:

– Рауль любил Циону, он хотел ее увезти из Венгрии, обезопасить. Даже на Лубянке Рауль никогда бы ее не предал. Но тогда остается только Копыто. Где пан Конрад нашел русских, на свою голову? Или это они его нашли... – теперь, когда их оставалось только пятеро, с Аудрой, они могли захватить хорошо вооруженный самолет:

– На дугласах не ставят пулеметов, сейчас мирное время, а бомбардировщики отлично оснащены. Но все зависит от Степана, то есть Петра... – Волк посмотрел на часы:

– Пора ему появиться. Йонас велел им не болтаться в парке. Место заброшено, но от нас требуется осторожность... – литовец тронул его за плечо: «Он здесь».

Волк и сам увидел у ржавых ворот высокую фигуру полковника:

– Он только сейчас признался, что организовывал спасение датских евреев. Он скромный человек, не хотел хвастаться. Понятно, почему он к Эйтингону вызвался пойти. Отцы ели кислый виноград, а на губах детей оскомина. Не только отцы, но и братья. Он сторож брату своему, как в Писании сказано... – Степан, молча, хлопнул дверью. Волк завел машину:

– Завтра, после обеда... – полковник смотрел вперед, – в три часа дня я должен быть на КПП Девятого Форта... – разбрызгивая мокрый снег, опель скрылся в сыром, мартовском вечере.

Финский нож с короткой рукояткой, теплого, отполированного ладонями дерева, Ядвига спрятала в дальний угол верхнего ящика, в столе.

Пальцы слегка подрагивали. Она сидела, не двигаясь, уставившись на закрытую чехлом пишущую машинку. Ее не обыскивали, ни в служебном автобусе, везущем технических сотрудников в Девятый Форт, ни на КПП, охраняемом солдатами внутренних войск. Нож она уложила во внутренний карман сумочки, прикрыв лезвие всякой дамской дребеденью.

После вчерашней непогоды утро выпало ясным, светлым. По дороге в Форт, устроившись у окна, на обитом дерматином сиденье, Ядвига слушала и не слышала щебет русских девушек, тоже секретарей, буфетчиц, работниц столовой. Литовок и полек МГБ не нанимало, евреев в Литве не осталось:

– Я одна здесь белоруска... – понимала Ядвига, – все считают, что у меня безукоризненная анкета. Я комсомолка, активистка, меня придали генерал-майору... – вспоминая дни, когда начальник отсутствовал в кабинете, Ядвига едва справлялась с тошнотой. Она знала, куда спускается московский чекист. В подвалах Девятого Форта держали арестованных буржуазных националистов, как о них писали в газетах:

Ядвига держала на коленях сумочку с ножом:

– Он допрашивает и пытается партизан. По дороге из подвала он переодевается, но от него, все равно, воняет кровью... – начальник пользовался дорогим, мужским одеколоном, не похожим на резкий запах одеколона советского, от других офицеров. Ядвигу мутило, когда она смотрела на ухоженные, с отполированными ногтями, большие руки москвича. Крепкие пальцы поросли темными волосами. Постукивая сигаретой, по золотому портсигару, аккуратно разминая фильтр, он подмигивал Ядвиге:

– Сварите мне кофе, товарищ Алехнович, и продолжим наши бюрократические дела... – при оккупации Ядвига, дочь и сестра расстрелянных нацистами преступников, несмотря

на хорошее знание немецкого языка, не могла легализоваться в местной администрации, как делали многие посланцы партизан. Казненные отец и брат закрывали ей доступ в городскую управу, или, тем более, в каунасское гестапо.

Ядвига жила по чужим документам, изображая литовку, девушку, как сейчас говорили русские, без определенных занятий. Она была связной пани Альдоны, хозяйки галантерейной лавочки, в старом городе. Ядвига передавала партизанам сведения от руководительницы. Альдона привечала спекулянтов, торгуя парижскими духами, шелковым бельем, косметикой и чулками. Немцы покупали у нее подарки, для своих подружек.

Альдона водила Ядвигу на танцы, в кафе «Ягайло», где собирались эсэсовцы и коллаборационисты. Ядвига помнила томный шепот старшей подруги:

– В лето начала русской оккупации я познакомилась с французом... – Альдона усмехнулась, – мы здесь танго танцевали. Я тогда еще продавщицей работала, на аллее Свободы... – женщина, рассеянна, курила, прислушиваясь к болтовне литовских полицейских, за соседним столом, – в общем, милая моя, все, что говорят о французских мужчинах, правда. Максим его звали... – голубые глаза посмотрели вдаль, – он по делам Литву навещал... – Ядвигу приглашали на танцы немецкие офицеры:

Заставив себя собраться, она сняла чехол с машинки:

– От них так же пахло, как от генерал-майора. Хорошим табаком, кофе и кровью. Они приезжали в кафе отсюда, из Девятого Форта, после расстрелов евреев. Он тоже внизу избивает партизан, а потом поднимается в кабинет... – в окне виднелась кирпичная труба. В годы немецкой оккупации, горожане часто замечали черный, жирный дым над крышами крепости. Сейчас голубое, яркое небо, было чистым:

– Но партизан продолжают здесь расстреливают... – звякнула каретка, Ядвига вставила в машинку белый лист бумаги, – здесь убили отца Аудры. И Альдону тоже здесь казнили... – руководительницу Ядвиги арестовали в сорок третьем году. Женщина прятала в городской квартире трех девочек, подростков, переправленных еврейскими подпольщиками из каунасского гетто, на волю:

– Их должны были в забрать в леса, но не успели. Альдона смеялась, что девчонки ей всю помаду извели:

– Сидят, красятся, рассматривают мои довоенные журналы, шепчутся о мальчишках... – весело сказала литовка, – девчонки, они и есть девчонки. Старшей всего пятнадцать лет... – Ядвига подышала:

– Девочек немцы сразу расстреляли, но Альдону еще месяц держали в живых. От нее добивались сведений о партизанах, в гетто, о наших ребятах, в лесу. Она ничего не сказала... – тогда у подпольщиков в крепости тоже сидели кроты:

– Теперь здесь одна я... – Ядвига пыталась справиться с волнением, – мне надо держать себя в руках, от меня зависит успех операции... – на встрече в сумрачном парке, они с русским торопились, но, все равно, расписали весь план, чуть ли не поминутно. Русский уверил Ядвигу, что его пропустят в Девятый Форт:

– Мы старые знакомые с генерал-майором... – в полутьме его лазоревые глаза опасно блеснули, – когда ему с КПП сообщат, кто пришел, он обрадуется... – Ядвига начала описывать квартиру, мужчина прервал ее:

– Не беспокойтесь, пани. До войны я навещал апартаменты и знаю расположение комнат. Камин, все еще, работает... – Ядвига кивнула.

Москвич любил тепло. Утром солдат внутренних войск приносил аккуратно сложенную вязанку сосновых, выдержанных дров, и разводил огонь. Ядвига взглянула на веселое, золотистое пламя. Решетку сняли, видимо, во время немецкой оккупации. Генерал-майор махнул рукой: «Детей здесь нет, ничего страшного».

Поднявшись, Ядвига прошлась по начищенным, дубовым половицам:

– Дома тоже стоял камин стоял, у решетки мама положила тканые коврики. Зимними вечерами мы садились с папой у огня, он рассказывал о родине... – девушка, незаметно, сжала пальцы:

– Русские ничего не узнают. Я родилась в деревне, в белорусской семье. В буржуазной Литве белорусы были угнетенным меньшинством... – Ядвига родилась в пригороде Мариамполя. Ее родители преподавали в местной школе. Девушка и ее брат закончили городскую гимназию:

– Они ничего не найдут, – повторила себе Ядвига, – мамы, папы и Кастуся больше нет. Документы уничтожены, русские ни о чем не догадаются... – после разгрома большевиками Слуцкого восстания, в январе двадцать первого года, родители Ядвиги бежали на север, в Литву:

– Папа командовал батальоном, мама была медицинской сестрой... – девушка тяжело вздохнула, – она тогда Кастуся ждала... – брат Ядвиги родился в Литве. Через год появилась на свет и сама девушка. Она выросла в доме, где, в гостиной, висел красно-белый, потрепанный флаг, с вышитой надписью: «Тем, что пошли умирать, чтобы жила Отчизна».

Ядвига вернулась за стол:

– Папа и мама были эсерами. Они знали все руководство партии, тех, кого русские расстреляли, в тридцатых годах, тех, кто сейчас живет в эмиграции... – Ядвига, много раз, просила руководителей литовских партизан отпустить ее сражаться, на юг:

– В Белоруссии, как и на Украине, тоже идет борьба, против советской власти. Но я нужнее здесь, оккупанты мне доверяют... – покидая Белоруссию, родители Ядвиги увезли документы погибших в боях соратников:

– Не Алехнович, – подумала девушка, – а Калиновская. Кастуся назвали в честь героя, отдавшего жизнь, за нашу свободу. Ладно, – напомнила она себе, – надо заняться делом... – визитер появлялся на проходной в три часа дня:

– Надеюсь, у генерал-майора не случится никаких срочных вызовов, – пожелала Ядвига, – а я отправлюсь в столовую, якобы за чаем. Им никто не помешает... – пользуясь ножом, Ядвига должна была испортить замок, на тяжелых дверях апартаментов:

– Дверь я захлопну, я всегда так делаю. Москвич не расстается с пистолетом, но русский обещал, что никакой пальбы не будет... – кроме замка, девушке поручили перерезать провод звонка, ведущего в комнату охраны, напротив входа в квартиру. Апартаменты генерал-майора охранял вооруженный наряд бойцов МГБ:

– Русский приведет себя в порядок, и выйдет отсюда... – Ядвига взглянула в сторону дверей, в спальню и ванную москвича, – я в это время буду пить чай в буфете. Никто, ничего не заподозрит... – вынув из ящика нож, встав на колени, она зашарила под столешницей, где проложили провод.

Горячая вода хлестала по чистой, выложенной метлахской плиткой стене.

Приехав в Каунас, Наум Исаакович, с удовольствием, обнаружил в подвалах Девятого Форта, офицерскую баню, с дежурным бойцом внутренних войск. Расторопный сержант хозяйственной части гладил рубашки и чистил мундиры офицеров. Эйтингон, впрочем, никогда не допрашивал арестованных бандитов в кителе. Он усмехался:

– Заключение понимают, что перед ними офицер МГБ. Пусть следователи, канцеляристы, сидят в кителях. При разговоре по душам, форма только мешает... – к Розе он тоже никогда не прилетал в мундире:

– Нет нужды. Вилла, наше гнездышко, уединенный уголок, как в романах. Девочки растут, не надо им знать, чем я занимаюсь... – Наум Исаакович любил играть с малышками:

– Анюта серьезная, скромная, а Наденька егоза. Она всегда вперед сестры успевает, хоть и младше ее. Мои красавицы никогда, ни в чем, не узнают нужды... – девочки жили в здоровом

климате, на океанском берегу, с любящими родителями. Впереди их ждали занятия музыкой и рисованием, уроки языков и конной езды. Наум Исаакович хотел завести в Де-Кастри пони и оборудовать балетный класс, со станком. Малышки обещали стать высокими, в Розу:

– Хотя он тоже высокий... – недовольно подумал Эйтингон, – доморощенный Хамфри Богарт, черт бы его подрал. Ладно, летом я отвезу Ворону на возведение тоннеля, а осенью займусь организацией очередного ордена, для инвалида. Пусть приедет в Италию и вернется, в Мон-Сен-Мартен, в гробу. Сиротка не окажется без присмотра. Она самая богатая невеста Бельгии... – Наум Исаакович считал, что профессору Кардозо не стоит знать о благополучном существовании, в Мон-Сен-Мартене, его дочери Маргариты:

– Иначе почти нобелевский лауреат еще сбежит, за опекуном над ее капиталами... – после израильского демарша Кардозо, Наум Исаакович не доверял профессору. Впрочем, получив долгожданную аспирантку, гений, кажется, успокоился, погрузившись в научную работу. На остров доставили пленных немецких и японских врачей. Никакой опасности не существовало. По окончании проектов, персонал расстреливали, топя трупы в Аральском море. Такая же судьба ждала и аспирантку, буде она надоест Кардозо:

– Надоест, постареет, – зевнул Эйтингон, – ничего, найдем новую. Недостатка в научных кадрах нет. Семье мы отправим урну, с прахом, и справку. Советский ученый, героически, скончалась, при выполнении задания партии и правительства. Впрочем, так оно и есть... – по данным Матвея выходило, что Исии американцы тоже устроили с удобствами:

– Он, как и Кардозо, изучает тиф, но впереди у нас оспа и чума. Кардозо еще получит премию, обещаю. То есть не он, а его труды... – о сыновьях и жене профессор, в телефонных звонках, не упоминал. Эйтингон, облегченно, сказал себе:

– Можно пока не тратить на это время, а вернуться к поискам проклятой дочери Кукушки. Хоть бы Яша оказался прав, и ее расстреляли китайцы... – пока о бывшей графине фон Рабе, или о Ягненке, ничего слышно не было. Исчезнув с рыночной площади Нюрнберга, обведя вокруг пальца ведомство Даллеса, герой Америки, как говорится, пропал с радаров:

– Он залег на дно, – понял Эйтингон, – скорее всего, он где-то в Южной Америке, с его знанием испанского языка. Ловит беглых нацистов. Какие беглые нацисты? Никому не интересны остатки СС и гестапо. Более опасен президент Трумэн. После речи Черчилля, в Фултоне, понятно, что мы стали врагами запада... – на прошлой неделе американские газеты вышли с жирными заголовками:

– Президент объявил войну коммунизму... – доктрина Трумэна ясно называла Советский Союз противником Америки:

– Значит, и с эмиссарами запада, и с их здешними приспешниками мы тоже поступим, как с врагами, – он сжал сильный кулак, с мелкими ссадинами на костяшках.

Одевшись, выйдя в комнату отдыха, с сосновыми, в русском стиле лавками, Эйтингон вспомнил жестяные умывальники, в старой внутренней тюрьме, на Лубянке:

– Летом сорок первого мы трудились круглыми сутками, без всякого комфорта для сотрудников. Петр ходил в пропотевшей гимнастерке, между допросами Кукушки... – подумав о бывшем выученике, Эйтингон поморщился:

– Он плоть от плоти советской власти, как и его брат. Родина их вырастила, подняла на ноги, а они плюнули в лицо социализму. Ничего, они за все поплатятся, как и здешняя мерзавка... – Наум Исаакович взялся за телефонную трубку. Сверху, как он и предполагал, ответили, что в его апартаментах все в порядке:

– Товарищ Алехнович работает. Мы слышим, как стучит машинка... – Наум Исаакович не хотел торопиться, и пороть горячку. Взглянув на хронометр, он сделал еще один звонок, здешнему сержанту. Отказавшись от обеда, он попросил принести вниз чашку кофе, из столовой. При мысли о кофе, сваренном фальшивой товарищем Алехнович, у него закрутило желудок:

– Гадина, дрянь, агент буржуазных националистов... – Наум Исаакович провел всю ночь и утро в подвале, но усталости не чувствовал. Он допрашивал доставленного из Мариамполя пожилого ксендза, подозреваемого в связях с бандитами:

– Тайна исповеди... – хмыкнул Эйтингон, – тайну исповеди они хранят до первой иголки, под первый ноготь... – у него на руках имелся список прихожан священника, имеющих отношение к засевшим в лесах националистам. Наум Исаакович, сначала, не поверил своим глазам:

– Не может быть такого. Я лично проверял ее анкету... – позвонив минским коллегам, он быстро заказал справку:

– Франц и София Калиновские, эсеры, враги советской власти, участники Слуцкого восстания. Они считались погибшими, после разгрома партизанских отрядов. Горский, кстати, уничтожил банды белорусских националистов. Он тогда на польском фронте обретался... – Калиновские, с чужими документами, осели в буржуазной Литве:

– Ксендз исповедовал ее родителей, и саму пани Ядвигу, мерзавку... – он криво улыбнулся. Священник тоже, якобы, при оккупации помогал партизанам, но это сейчас значения не имело. Поболтав горькой гущей, на дне фарфоровой чашки, Эйтингон закурил:

– Гадать нечего, старик пойдет под расстрел. Бандитка тоже, но сначала она мне все расскажет. Ясно, что она связник, между литовскими и белорусскими лесными братьями, как они себя величают... – трубка внутреннего телефона вздрогнула, он насторожился:

– Что еще? Сучка никуда не сбежит. Протоколы допросов через нее не проходят, она ни о чем не подозревает... – он сначала не понял, что за фамилию произносит лейтенант, дежурный по КПП. Забыв о так называемой Алехнович, Наум Исаакович распорядился: «В мой кабинет его, немедленно!».

Большие руки Волка, спокойно, лежали на руле.

Грузовик оказался ЗИС-5, трехтонкой, хорошо знакомой Максиму по довоенным временам. На войне такие машины, переоборудованные под артиллерийские тягачи, таскали пушки и вывозили в тыл раненых. Кузов машины переделали в темно-зеленый фургон, с надписью: «Дуона». Второй грузовик, тоже, якобы, перевозящий хлеб, пошел в южные предместья Каунаса, где располагался военный аэродром:

– Йонас командует тамошней группой... – Волк покосился на цейсовский, трофейный бинокль, в руках тестя, – при нем Авраам, и еще десять бойцов. Аудра тоже с ним, они должны быть особенно осторожны... – на рассвете они выбрали подходящие места для засад:

– То есть не засад, а наблюдательных пунктов, – сказал Волк, на раннем совещании, у разрушенной ограды ботанического сада, – что, впрочем, не отменяет полной боевой готовности, уважаемые господа... – литовцы привезли не только трофейные, советские и немецкие автомааты, но и гранаты, с гранатометом, и даже четыре пулемета.

– Два и два... – Максим достал из кармана ватника «Беломор», – два здесь, и два у аэродрома... – машину, стоявшую у Девятого Форта, загнали в небольшой лесок. Для второго грузовика подыскали заброшенный, с провалившейся крышей, деревенский амбар, на перекрестке дорог, ведущих к аэропорту.

Волк разложил на приборной доске довоенную, буржуазную карту города:

– Придется нам миновать мост, Федор Петрович... – заметил он тестю, – сдается мне, что псы догадаются, куда мы хотим отправиться. Как бы они мосты не перекрыли... – тесть порылся в смятой пачке папирос:

– Вряд ли, дорогой Волк. Они понятия не имеют, что у нас есть летчик, а без летчика, зачем нам нужен аэродром? Южная дорога ведет к Вильнюсу, к белорусской границе. По их расчетам... – он махнул в сторону крыш Девятого Форта, – мы рванем либо на север, к морю, либо уйдем на восток, обратно в леса... – даже без бинокля они хорошо видели на дороге знакомую, высокую фигуру.

Петр Арсеньевич Воронцов-Вельяминов шел в Девятый Форт пешком, от ближайшей остановки пригородного автобуса. Попуток на здешнем шоссе ждать не приходилось:

– Все верно, – заметил Максим на совещании, – здесь не запад, машин в прокат не дают, а городские такси, вернее, десяток машин, что у вокзала дежурят, в Форт не возят. То есть возят, но только до остановки. Он приехал на машине, и проделал три километра пешком. Пусть у него будут грязные ботинки, так достоверней... – у черепичных крыш форта, в ясном, весеннем небе, перекликались птицы. Над кирпичной трубой поднимался легкий дымок:

– Котельная работает, – тесть пожевал папиросу, – они трупы не сжигают, как нацисты. Они по ночам людей хоронят. Аудра говорила, что тела вывозят грузовиками, сбрасывают во рвы, на полях... – Максим кивнул:

– Словно в Москве, в Бутово. Построят на этом месте дома, или фабрики, и все забудется. Как забудется то, что нацисты с евреями делали... – Федор Петрович помотал рыжеволосой, поседевшей головой:

– Не забудется, евреи не позволят. Это у нас земля трупами усеяна, с гражданской войны, а мы даже имен погибших не помним... – он подумал о заброшенном кладбище, в Зерентуе:

– Никто не знал, где стояла могила моих предков. Петр Федорович, декабрист, в советских учебниках упоминается, я сам видел. Но местные только руками разводили. На кладбище самый бой случился, Горский потом велел там пленных белоказачков расстрелять. Сбросили тела в ямы, и засыпали землей... – у входа на кладбище возвышался гранитный обелиск, в память о красных партизанах:

– Я хотел сделать мемориал, восстановить церковь, – горько усмехнулся Федор, – понятно, что все мои здешние проекты останутся на бумаге. Усатый, правда, возведет высотки, на костях расстрелянных и замученных людей. Вряд ли Петьку сюда пустят, когда он вырастет. Он по-русски будет говорить, но с таким отцом, не говоря о матери, путь в СССР для него навсегда закрыт. Ничего, есть фотографии, мы с Анной ему расскажем и о России, и о нас самих. Все расскажем, ничего не утаим... – подумав о кладбищах, Федор буркнул:

– Ты о Мюллере говорил, Максим Михайлович, но никто не поверит, что Марта его застрелила, еще и на бывшем еврейском кладбище. Она молодец, но узнав о таком, союзники ее измучают допросами. Когда мы ее найдем, конечно... – добавил Федор. Зять вскинул бровь:

– Как будто я собираюсь кому-то все рассказывать, Федор Петрович. Пусть считают, что он пропал без вести... – Волк взглянул на трофейный, стальной хронометр. Половина СССР носила такие часы, ничего подозрительного в них не было. Под браслетом виднелись старые, синеватые очертания головы зверя:

– Марта любила целовать это место... – сердце трепыхнулось, заныло, – она смеялась, что еще в тридцать шестом году, в метро, меня приметил... – Марта снилась ему почти каждую ночь. Он утыкался губами в теплое плечо, чувствуя под рукой маленькую, нежную грудь. Она прижималась к нему, позевывая, устраиваясь удобнее:

– Она сопит, как ребенок... – окуроченные папиросы жег пальцы, – она сразу засыпает, словно дитя. Говоришь с ней, потом смотришь, а она дремлет. Я ее целовал ее ресницы, шептал ей, что люблю, всегда буду любить. Всегда, пока мы живы. Как пусто без нее, одиноко... – Максим вздрогнул.

Забрав у него «Беломор», тесть выбросил окуроченный:

– Прошло двадцать минут... – без пяти три Петр Арсеньевич стоял на КПП Девятого Форта, – а если у Эйтингона не выдержат нервы, если он решит полковника отправить в подвал... – Максим почесал белокурый висок:

– Во-первых, Степана еще должны обыскать. Хотя пусть обыскивают, у него и гвоздя при себе нет. Во-вторых, Степан, то есть Петр Арсеньевич не с пустыми руками пришел, а с предложением, так сказать... – по легенде, бывший работник НКВД появился в СССР тайно, в поисках сына:

– Эйтингон думает, что Уильям, ребенок Петра, – заметил Волк, – о связи покойного Виллема и Тони в СССР никто не знает. Петр Арсеньевич пересек Балтийское море, хотел добраться до Москвы, но увидел имя Эйтингона, в газетах... – в каунасских газетах, действительно, напечатали статьи о доблестной борьбе сил МГБ с засевшими в лесах бандитами:

– Увидел, и пришел, – подытожил Волк, – Девятый Форт ему знаком, он подвизался в Литве до войны. Он предложит сведения о беглых нацистах, в обмен на Володю... – Максим поднес к глазам бинокль:

– Пока вроде все тихо... – у приоткрытой калитки, в железных воротах КПП, расхаживали два солдата внутренних войск, в зимней форме. Птицы вспорхнули с крыши комендантской пристройки, Федор Петрович нахмурился:

– Слышал ты... – Волк отчетливо, разобрал глухой хлопок выстрела:

– Черт, черт, у кого-то сдали нервы. Надо успеть, пока они не захлопнули ворота... – он крикнул в окошечко, в стенке кабины:

– Оружие к бою, открыть задние двери... – грузовик взревел, тесть заорал:

– Волк, не будь дураком, это самоубийство... – Максим вспомнил тоску, в лазоревых глазах полковника Воронова:

– Он говорил, пока они с Констанцей вместе, смерти нет. Так же и у меня, с Мартой. Пока есть любовь, нет смерти, и быть ее не может... – выжимая газ, он отозвался:

– Не в первый раз, Федор Петрович. Давайте гранаты, они пригодятся... – в ногах у тестя лежала целая связка:

– В Париже Мишель взрывал ворота тюрьмы, – вспомнил Федор, – он думал, что немцы держали там Лауру. Он бы ради нее куда угодно пошел, хоть в преисподнюю. Как и я, ради Аннет, ради Тео, ради Анны... – в голубых глазах зятя играл веселый огонек:

– Матушка мне велела ничего, никогда не бояться. Я и не боюсь... – выскочив из перелеска, ЗИС помчался прямо на ворота КПП.

На отполированных, дубовых половицах лежал луч яркого, весеннего солнца. Приятно потрескивали дрова в камине. Краем глаза Эйтингон заметил что-то красное, у тяжеловесной ножки письменного стола, с прикрытой дерматиновым чехлом, пишущей машинкой. С восьмого марта прошла неделя, но фальшивая товарищ Алехнович еще не выкинула букет от отдела кадров МГБ Литвы.

Наум Исаакович, мимолетно, подумал, что вазу страгивали с места:

– Раньше лепестки просто лежали на столе, а теперь рассыпались по полу... – рядом с вазой поблескивала кнопка звонка, соединяющего кабинет и комнату охраны. Так называемая товарищ Алехнович сейчас пребывала именно там, в компании двух вооруженных бойцов внутренних войск.

Эйтингону пока было не до разбирательства с агентом белорусских и литовских националистов, проникшим в сердце органа социалистической законности:

– Мерзавка никуда не денется. Стоит мне нажать на кнопку звонка, и ее, немедленно, препроводят в подвалы... – товарищ Алехнович, невозмутимо, выслушала приказание Эйтингона оставить его одного:

– У меня важная встреча... – Наум Исаакович заставлял себя улыбаться, – я позову вас, если вы понадобится... – светлые глаза девушки были спокойны. Она ушла, постукивая каблуками. Эйтингон, внимательно осмотрел стройную спину:

– Оружия ей взять негде, сумочка ее осталась здесь. Она ничего не подозревает... – с КПП доложили, что визитер, представившийся Петром Семеновичем Вороновым, тоже не имеет при себе пистолета, или других опасных предметов. Документов Петр Семенович не предъявил, но Эйтингон и так видел, кто перед ним:

– Нельзя вызывать у него тревогу, – велел себе Наум Исаакович, – я сделаю вид, что верю в его легенду... – на него пахло пряным ароматом сандала. Эйтингон раскрыл объятия:

– Петр, наконец-то! Мы тебя потеряли, думали, что ты погиб... – Эйтингон не сомневался, что власовский мерзавец начнет ломать перед ним комедию:

– Он объяснит, что переметнулся на сторону немцев по собственной инициативе, якобы стремясь работать за линией фронта. Надо его опередить, и тоже разыграть спектакль... – как и до войны, Петр благоухал Floris 89. Наум Исаакович и сам пользовался этой туалетной водой:

– Кажется, я в Мадриде подарил Петру флакон, после успешной операции. Мы обезопасили Янсона, убрав, руками фалангистов, этого поэта... – фамилию поэта Эйтингон запомнил:

– Потом на Петра вышли англичане, подложили ему проклятую тварь, Антонину Ивановну. Троцкистское отродье, она и после смерти гадит нашей стране... – с легкой руки трагически погибшего в борьбе с нацизмом мистера Френча, СССР в западной прессе стали называть империей зла:

– Он может знать, где сейчас дочь Кукушки... – подумал Эйтингон, – он приехал сюда за сыном и намерен торговаться. Петр трус, но превозмог свой страх. Он хороший отец, всегда таким был... – Эйтингон не хотел спугнуть предателя:

– Степан, может быть, гниет где-то, а нам нужен новый Степан. Или летчик, с компанией бандитов, во главе с Волком, оказался за пределами родины, связался с Петром... – бывший выученик мог появиться в СССР не только ради сына, но и ради Констанцы.

– Кофе, кофе... – радушно предложил Наум Исаакович, – у меня отличная, итальянская машинка. Ты шел пешком... – он бросил взгляд на грязные ботинки Воронова, – погода весенняя, но на дворе еще сыро. Ты должен помнить камин, по сороковому году... – Петр Семенович, надменно, усмехнулся:

– Я взял такси, Наум Исаакович. Я не Степан, чтобы толкаться в городских автобусах. В сороковом году к Форту возили такси, а сейчас меня высадили на остановке... – устроив Петра в покойном кресле, Наум Исаакович отозвался:

– Мы соблюдаем правила безопасности, сам понимаешь... – мысленно Эйтингон сделал себе пометку:

– Надо расширить зону патрулирования. Кто угодно может подойти к форту, подъехать на личной машине, или грузовике... – Степан, аккуратно, держал тонкую чашку, мейсенского фарфора:

– Она не передала мне нож... – ему стоило большого труда не стискивать хрупкую ручку, – она обещала, что столкнется со мной в дверях и сунет мне финку. Но я ее вообще не видел, ее нет в кабинете... – Степан помнил расположение комнат, в апартаментах:

– Она собиралась пойти в столовую, но должна была дожждаться меня. Напротив комната охраны, там раньше сидел патруль. И сейчас сидит. Но если Котов, то есть Эйтингон, что-то заподозрил, арестовал ее... – он услышал добрый смешок Котова, как его, по привычке, называл Степан:

– Задним числом мы одобрили твою инициативу по внедрению в ряды сторонников изменника Власова. Жаль только, что с тобой долго не было связи... – потянувшись, он похлопал Степана по плечу:

– Вот сейчас... – велел себе полковник, – я не смогу сделать то, что мне надо сделать, без оружия... – Эйтингон и сам не понял, как все случилось. Кобуру офицерского нагана рванули с его португали. Ударив Воронова локтем в лицо, Наум Исаакович бросился к столу:

– Он пришел меня убить, по заданию англичан. Понятно, что они ищут Ворону. Сначала появились герцог с мистером Кроу, потом сюда послали Петра, под предлогом отцовской любви... – он, с размаха, треснул кулаком по кнопке звонка:

– Нельзя его убивать. Он должен во всем признаться, и признается, продажная тварь... – Эйтингон услышал автоматную очередь, в коридоре:

– Неужели мерзавка тоже на связи с западом? Несомненно, они содержат здешних бандитов... – со двора до него донеслись взрывы, рычание грузовика, крики:

– Тревога, тревога... – дубовую дверь прошили пули. Петр вскинул наган:

– Быстро говори, сволочь, где сейчас доктор Кроу... – Наум Исаакович успел подумать:

– Точно. Он снюхался с англичанами, до войны... – дверь кабинета распахнулась.

Он бы никогда не подумал, что товарищ Алехнович умеет стрелять. Серое платье девушки испачкала кровь, она наставила на Эйтингона автомат:

– Сволочь, русская падла, получай... – зазвенело стекло. Эйтингон почувствовал резкую боль, где-то в боку:

– Гольдберг мне тоже в бок попал. Здесь обычные окна, руки не дошли поставить пуленепробиваемые стекла... – падая на окровавленный паркет, он увидел, как Воронов, подхватив девушку, шагнул в голубое небо, видневшееся среди острых обломков. Ветер вздул занавеску, разбросанные бумаги закружились по комнате, черные хлопья гари порхали над половицами. Во дворе форта завыл гранатомет. Наум Исаакович попытался приказать:

– Брать живыми, только живыми... – уронив голову на паркет, он потерял сознание.

Тесть, с присущей ему обстоятельностью, кинул в кабину трехтонки не только связку гранат, но и брезентовую сумку, с медикаментами. Матерясь сквозь зубы, Федор Петрович сидел на пенке, ожидая, пока пани Ядвига перевяжет ему левое плечо:

– Пуля прошла навывлет... – девушка тяжело дышала, – кровотечение закончилось... – серое, в темных пятнах, платье, прикрывал испачканный ватник. Туфли со сбитыми каблуками хлюпали в мокром снегу.

Волк загнал изрешеченный пулями фургон, в какой-то перелесок. В кабине и в темном помещении, с деревянными полками, отчетливо пахло кровью. Из десяти человек, партизан Йонаса, во дворе Девятого Форта осталось двое.

Поднатужившись, Волк снял сапоги с третьего парня, лежавшего в луже крови, на полу фургона:

– Когда мы в ворота выезжали, он еще жил. Ребята кричали, что он дышит. Он умер по дороге, а тех парней сразу застрелили. Семеро человек бойцов, то есть пятеро, не считая нас и Ядвиги... – оказавшись в кабине, девушка представилась:

– То есть не сразу представилась. Федор Петрович втащил внутрь ее и полковника, на знакомства времени не было... – разогнувшись, Максим вручил легчику сапоги:

– Ядвиге отдай. Снег по колено, а она в туфлях... – после прыжка из окна высокого, первого этажа, Воронов и девушка отделались только царапинами и ссадинами.

Максим дал пинка задней шине фургона:

– Хорошо, что в пальбе не пробили. Надо немедленно уходить отсюда, они перекроют город... – стрелка хронометра показывала четыре часа. Начав воевать, на Волховском фронте, Максим понял, что бой ничем не отличается от воровских дел:

– Сначала планируешь акцию, если можно так выразиться, долго ждешь, сидишь в засаде, а вся атака идет три минут. Или пять, как в нашем случае... – полковник, угрюмо, посмотрел в сторону:

– Надеюсь, что я его застрелил... – тихо сказал Степан, – я, или Ядвига. Он ничего не успел сказать, Максим. Мы ничего не знаем... – Волк посчитал возможным позволить себе папиросу:

– Дай твои, американские, – велел он, – а я надеюсь, что тварь выжила. Если он один раз в тебя поверил, то поверит и во второй. Ты его спросил, где Констанца, но это не страшно. Он посчитает, что ты проданся западным державам... – Максим коротко усмехнулся.

Степан молчал. Он не хотел говорить ни Волку, ни еще кому-то о брате:

– Они записали Петю в предатели, но это не так. Котов, то есть Эйтингон, сказал, что якобы переход к Власову был личной инициативой Пети, одобренной партией и правительством... – запах тающего снега, мокрой хвои напомнил Степану что-то давнее, детское:

– Мы с Петей спали вдвоем на лавке, а папа нам пел колыбельную. Вот откуда папа знал французский язык. Он был аристократом, закончил Александровский лицей. Наш дед служил судьей, наш прадед был товарищем министра внутренних дел, наш прапрадед, декабрист... – Степан напомнил себе, что бомба, сделанная его отцом, подорвала здание петербургского суда, в революции пятого года:

– Дедушка и бабушка погибли. Старший брат папы, Михаил, жил в Англии. Он женился на матери кузена Питера Кроу. Он наш самый близкий родственник, и он тоже приезжал в Советский Союз... – он встряхнул потной, каштановой головой. Костюм, утром щегольской, непоправимо испортили кровь и грязь, но ранений у себя Степан не нашел:

– И очень хорошо, – буркнул Волк, – тебе еще надо самолет вести... – подхватив сапоги для Ядвиги, Степан зашагал к пеньку:

– Иосиф Виссарионович, наверняка, знал о папе, но нам ничего не сказал. Мы были пионерами, комсомольцами, мы бы не поняли такого... – Степан замер:

– Нет, сказал. Только Пете, а не мне. Иначе откуда бы Петя слышал о нашем происхождении? Переход Пети к немцам не был его личной инициативой. Эйтингон просто не знает, что Петя выполняет приказ товарища Сталина... – Степан был уверен, что в МГБ, как и во времена Ежова, пробрались враги советской власти:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.